

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№2 · 2008

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

2-2008

Издается с марта 1999 г.
Периодичность – 4 номера в год

Свидетельство о регистрации
№Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Северо-Кавказским
региональным управлением
по СМИ

Учредитель:

Кубанский государственный
университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 404-н
Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный
университет

Статьи для публикации
принимаются
по электронному адресу:
chsu1999@yandex.ru

Дизайн обложки:
С.Г.Ажгихин, М.Н.Марченко
Оригинал-макет:
Д.А.Хрипков

Отпечатано в типографии
Кубанского государственного
университета
Краснодар, Октябрьская, 25

Подписано в печать 31.10.2008
Уч.-изд. л. 8,3. Усл. печ. л. 8,33
Тираж 1000 экз. Заказ №

Главный редактор:

Е.В.Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т. А., д-р филос.н., проф. (МГИМО(У));
Арутюнян Л. А., д-р филос. н., проф. (Ереванский ГУ);
Бабешко В.А., д-р физ.-мат. н., проф., академик
РАН (Кубанский ГУ); **Бедерханова В. П.**, д-р
психол. н., проф. (Кубанский ГУ); **Бодалев А. А.**, д-р
психол. н., проф., академик РАО; **Деллер С.**, PhD,
проф. (университет Висконсин-Мэдисон, США);
Жаде З. А., д-р полит. н., проф. (Адыгейский ГУ);
Зинченко Ю. П., д-р психол. н., проф. (МГУ им. М.
В. Ломоносова); **Знаков В. В.**, д-р психол. н., проф.
(Институт психологии РАН); **Иванов А. Г.**, д-р ист. н.,
проф. (Кубанский ГУ); **Кузьмина Н. В.**, д-р психол. н.,
проф. (РАО); **Латфуллин Г. Р.**, д-р экон. н., проф. (Гос. ун-
т управления); **Марьин М.И.**, д-р психол. н., проф. (МВД
РФ); **Никовская Л.И.**, д-р социол. н., проф. (Институт
социологии РАН); **Романова А. П.**, д-р филос. н., проф.
(Астраханский ГУ); **Рябикина З. И.**, д-р психол. н., проф.
(Кубанский ГУ); **Сморгунов Л. В.**, д-р филос.н., проф.
(СПбГУ); **Фадеева Л.А.**, д-р ист. н., проф. (Пермский ГУ);
Шабров О.Ф., д-р полит. н., проф. (РАГС); **Шпак В. Ю.**, д-
р филос.н., проф. (Южный федеральный ун-т)

Редакционная коллегия:

Авдеева Т. Т., д-р эконом. н., проф. (зам гл. редактора);
Белоконь Г.М., канд. филол. наук, доц.; **Демин А. Н.**, д-р
психол.н., проф. (зам. гл. редактора); **Ермоленко В. В.**,
канд. тех. н., доц.; **Ждановский А. М.**, канд. ист. н.,
проф.; **Кимберг А. Н.**, канд. психол.н., доц.; **Кольба А. И.**,
канд. полит. н., доц. (зам. гл. редактора); **Курбатова Г. С.**,
отв. секретарь; **Лаврова Т. Г.**, канд.эконом.н., доц.;
Лузаков А. А., д-р психол. н., доц.; **Малиночка Э. Г.**, д-р
пед. наук, проф.; **Мясникова Т. А.**, канд. эконом. н., доц.;
Оберемко О. А., канд. социол. н., доц.; **Ожигова Л. Н.**,
д-р психол. н., проф.; **Остапенко А. Н.**, д-р пед.н., проф.;
Савва Е. В., канд. филос. н., доц.; **Филиппов Ю.В.**, канд.
эконом. н., проф.; **Фоменко Г.В.**, д-р психол. н., проф.;
Юрченко В. М., д-р филос. н., проф. (зам. гл. редактора)

2-2008

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

- Зайцев Д.Г.* Теория и методология оценки влияния негосударственных акторов на политический процесс (на примере аналитических центров).....4
- Гудков И.В.* Типологии электорального поведения в контексте выборов органов представительной власти РФ 14
- Паликова А.М.* Особенности партийной системы современной России.....30

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

- Власенко М.В.* Особенности создания и условия функционирования эндаумент-фондов в России и США.....37

МИР ЧЕЛОВЕКА

- Семёнова В.Э.* Каузальная атрибуция преступности: гендерное измерение феномена 45
- Леженкина Т.И.* Межличностные конфликты в труде локомотивной бригады как фактор возникновения опасных ситуаций 58

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

- Черняк Т.В.* Управление компетентностью государственных служащих (опыт Сибирской академии государственной службы) 71

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

- Романова А.П., Мармилова В.О.* Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности.....84

РЕФЕРАТЫ 95

SUMMARY 98

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ)

.....

Д.Г. Зайцев¹

Аналитические центры² являются влиятельным негосударственными политическими акторами современного демократического политического процесса, который основан на конкуренции многих субъектов политики.

Данное утверждение не столь очевидно при более глубоком погружении в рассматриваемую тему. О возможности влияния институтов гражданского общества (в частности, аналитических центров) на политический процесс в литературе можно найти две противоположные точки зрения.

Сторонники первой исключают (либо сводят к минимуму) возможности институтов гражданского общества влиять на политико-управленческий процесс. Сторонники второй, наоборот, считают, что институты гражданского общества наравне с другими субъектами политики (властью и бизнесом) влияют на политику государства либо корпораций.

Данные точки зрения имеют основу в двух теоретических направлениях анализа феномена политической власти и влияния вообще.

Теории влияния аналитических центров на процесс принятия политических решений

В современной политической науке влияние аналитических центров на политический процесс рассматривается в рамках классических теорий, анализирующих феномен власти в современных политиях. В настоящее время

---

¹ Зайцев Дмитрий Геннадьевич, аспирант кафедры публичной политики Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ).

² Термин «аналитические центры» в настоящей работе – аналог западного понятия «think-tanks». Это понятие переводится по-разному: «фабрики мысли», «мозговые тресты», «аналитические центры», «независимые аналитические центры», «мозговые центры» и др.

сложилось два основных теоретических направления: элитистское и плюралистическое.

Согласно элитистской теории, яркими представителями которой считаются У. Домхофф и Т. Дай, в политической системе доминирует ограниченное количество игроков со схожими целями и ценностями. Элитисты исходят из предположения о том, что, если аналитические центры оказывают влияние на политический процесс, то главным образом потому, что связаны с властной элитой [8].

Представители плюралистической теории (Д. Трумен, Р. Даль) считают, что аналитические центры могут влиять на политический процесс вне зависимости от близости к политической элите, на общих основаниях конкуренции, наравне с профсоюзами, группами давления бизнеса, неправительственными организациями [3].

Как разновидность плюралистической теории можно рассматривать институциональный подход [7]. Согласно ему мозговые центры определяют направления политики, участвуют в политическом процессе на различных его стадиях. Аналитические центры часто не могут влиять на принятие того или иного политического решения, на выбор политического курса, однако они оказывают значительное воздействие на политический процесс на стадии обсуждения политических альтернатив, устанавливая границы допустимых политических дебатов, формируют политический дискурс. Все это приводит к тому, что альтернативы, которых раньше в политической повестке дня не было, рассматриваются лицами, принимающими политические решения. В рамках институционального подхода становится обоснованным такой способ измерения влияния аналитических центров, как *количественный анализ упоминаемости* в средствах массовой информации.

Итак, элитистская и плюралистическая теории фиксируют положение и статус аналитических центров в данной политической системе. Влияние трактуется как статический, неизменный показатель. В отличие от них институциональный подход позволяет анализировать влияние аналитических центров в динамическом измерении, в рамках меняющегося политического процесса, на различных стадиях процесса принятия властных решений. Так как в России политический процесс протекает крайне нестабильно, а политическая система – изменчива, большей объяснительной силой применительно к анализу статуса (и в частности влияния) российских аналитических центров обладает институциональный подход.

Теория политического процесса в свою очередь наиболее разработана в рамках структурно-функционального подхода.

Методологические подходы к изучению влияния аналитических центров

Структурно-функциональный подход предлагает рассматривать любой политический институт с точки зрения тех функций, которые он выполняет в политической системе и политическом процессе. Анализ функциональной активности аналитических центров позволяет выделить следующие формы их участия в политическом процессе.

Во-первых, мозговые центры могут участвовать в *консультировании и сопровождении деятельности* политических акторов (политиков, политических партий, кандидатов в депутаты и членов парламента, органов государственной власти, чиновников), например, работая в режиме личного консультанта.

Во-вторых, аналитические центры участвуют в разнообразных *формальных процедурах* в качестве приглашенных экспертов. К таковым можно отнести участие в *демократических процедурах* (в парламентских слушаниях, работе комитетов и комиссий, консультационных и совещательных органах при государственных институтах), а также *работу по контракту* с каким-либо политическим актором.

В-третьих, аналитические центры для продвижения своего продукта используют различные дискуссионные *формы коммуникации* с политиками, средствами массовой информации, экспертным сообществом. Так, аналитические центры участвуют в дискуссиях во время проведения круглых столов, семинаров, пресс-конференций, заседаний клубов, дают интервью СМИ, выступают в передачах на телевидении и радио.

В зависимости от формы участия центра в политическом процессе меняется вид аналитического продукта мозговых центров ³.

В процессе выработки и принятия политико-управленческих решений аналитические центры могут воздействовать на политических акторов через различные каналы доступа к лицам, принимающим решения (ЛПР). Представители структурно-функционального подхода различают легитимные (конституционные) каналы доступа: личные знакомства; средства массовой

---

³ Аналитический продукт мозгового центра, работающего в режиме личного консультанта может ограничиваться индивидуальными беседами, проведением закрытых семинаров с «клиентом», написанием небольших эссе (1–3 страницы) по насущным вопросам с конкретными рекомендациями (policy briefs). Продукт центров, работающих в качестве приглашенных экспертов, более разнообразен: доклады, аналитические обзоры, отчеты и записки, справочники и прочие отчетные и презентационные материалы. Аналитический продукт центра, который ограничивается коммуникативно-дискуссионными формами участия в политическом процессе, может быть следующих видов: доклады, выступления и презентации на «экспертных площадках» и пресс-конференциях; регулярные публикации по насущным вопросам государственной политики в газетах и журналах; выступления на телевидении, интервью; создание тематических сайтов и размещение материалов в Интернете; выпуск собственных изданий; публикация книг и статей в научных изданиях.

информации; контакты с политическими партиями, законодательными органами, правительственной бюрократией. К нелегитимным каналам влияния (каналам принуждения) относятся бунты, забастовки и пикеты, политический террор. В политической жизни возможны и промежуточные формы воздействия на власть, а именно демонстрации и акции протеста. Подавляющее большинство аналитических центров используют легитимные каналы влияния на ЛПР.

Эффективность влияния мозговых центров по данным каналам можно количественно оценить.

Наиболее распространенным в силу технологической доступности способом измерения влияния аналитических центров на политический процесс является количественный анализ упоминаемости того или иного центра в СМИ. При количественном анализе упоминаний аналитических центров в СМИ используются различные индексы цитирования.

Влияние аналитических центров через законодательные органы оценивается путем подсчета количества выступлений на парламентских слушаниях. Сбор подобного рода данных облегчается наличием в некоторых странах официальной статистики о выступлениях в парламенте.

Использование аналитическими центрами остальных каналов доступа можно оценить с помощью косвенных данных: опросов либо интервью с руководителями мозговых центров, представителями политических партий, политиками и чиновниками.

Исследований, которые давали бы комплексную оценку политического влияния аналитическими центрами через все перечисленные каналы доступа, автором не было обнаружено. Однако использование некоторых каналов доступа и тем самым потенциального влияния пытались оценить Э. Рич и К.Р. Уивер. Они сосредоточили внимание на способе влияния мозговых центров через СМИ и Конгресс США [5, с. 81–85].

С количественной (либо качественной) оценкой использования аналитическими центрами различных форм институциональной активности дела обстоят еще хуже.

Тем не менее для комплексной оценки степени активности аналитических центров в политическом процессе необходимо исследовать не только формы участия мозговых центров (а соответственно и виды аналитического продукта), но и каналы доступа к ЛПР.

Анализ степени активности аналитических центров в процессе принятия решений – неотъемлемая часть изучения влиятельности аналитических центров, потому что о влиянии можно говорить, когда мы имеем дело с самостоятельным политическим актором – активным субъектом политики.

Однако анализ политической активности не позволяет нам исключить случаи, когда аналитический центр может быть несамостоятельным политическим агентом, зависимым от других субъектов политики и в то же время достаточно активным, обслуживая интересы своего «патрона»⁴.

Чтобы нивелировать данное ограничение, обратимся к другому подходу, а именно к конструктивизму (структурализму), ярким представителем которого является П. Бурдьё [2]. Этот подход дает нам методологическую основу для анализа степени влияния аналитических центров на политику через анализ ресурсов влияния («капиталов») мозговых центров. Среди ресурсов влияния аналитических центров на политико-управленческий процесс выделим следующие⁵.

Кадровый и организационный ресурс. В силу неразвитости и слабости демократических институтов в российской политической системе произошло «вытеснение формальных институтов демократии неформальными правилами... Речь идет о таких практиках, как персонализм, клиентелизм, всеобъемлющая коррупция или картели акторов, возникающие вне конституционных рамок» [4, с. 20–21]. Поэтому возможны ситуации, когда за влиятельностью организации кроется личный авторитет руководителя центра. В силу этого степень влиятельности аналитического центра определяется также уровнем организационного развития центра – *наличием дифференцированной внутренней структуры «второго кадрового эшелона», т.е. устойчивой группы исследователей, которые работают в данном центре, производят качественный аналитический продукт, пользуются авторитетом, известностью в экспертном сообществе, СМИ.*

Интеллектуальный ресурс. Интеллектуальным ресурсом аналитического центра являются его направления исследований и аналитический продукт, вырабатываемый им в рамках данных направлений.

Материальный ресурс – источники финансирования и/или клиентская база аналитических центров.

Здесь следует отметить, что при анализе интеллектуального и материального ресурсов важна стратегия, которая используется аналитическими центрами. В частности, стратегия диверсификации направлений исследований и источников финансирования способствует большей автономии аналитического центра от одного клиента и соответственно большей самостоятельности.

Социальный капитал. Аналитические центры для продвижения своего аналитического продукта используют самые разнообразные способы. Эффективность и разнообразие этих способов может говорить об объемах социального капитала центра (ресурсе связей).

---

⁴ О разнице понятий «агент», «актор», «субъект» см. [1].

⁵ Подробнее см. [6].

Символический капитал аналитического центра можно определить как способность центра выступать в роли независимой (автономной) открытой (публичной) организации, обладающей квазинаучными экспертными представлениями о социально-политическом мире.

Символический капитал аналитического центра в основном является производным от других видов ресурсов – интеллектуального и материального. Так как объемы интеллектуальных и материальных ресурсов аналитического центра во многом зависят от выбранной стратегии аналитического центра, то символический капитал также связан с данными стратегиями.

Большие объемы символического ресурса позволяют аналитическим центрам оказывать значительное символическое влияние на политику, а именно: производить и навязывать свои политические представления (например, видение государственной политики в какой-либо области) другим субъектам политики, конструировать политическую реальность посредством «символических» высказываний и утверждений об этой реальности и в результате изменять представления других политических акторов, а значит, и саму политическую реальность.

Символическое влияние аналитических центров проявляется в способности данного центра высказываться от имени социальной группы либо «трансцендентного авторитета»: во-первых, *от имени экспертного сообщества в целом, науки, интеллигенции* и т.п. (как автономная экспертная организация, основанная на приоритете научного знания); во-вторых, от имени какой-либо *социальной группы, граждан и гражданского общества* в целом (как открытая, публичная, общегражданская организация).

Оценить объем каждого из выделенных видов ресурсов аналитических центров можно, используя как количественные (например, массовые опросы), так и качественные процедуры (case studies, неформализованные и глубинные интервью). По оценке всех видов ресурсов аналитического центра можно судить об объеме его политического капитала, степени влияния на политику.

Таким образом, применение структурно-функционального и конструктивистского подходов дают нам возможность комплексно оценить политический статус⁶, влияние аналитических центров на политико-управленческий процесс.

Для иллюстрации и апробации описанных теоретико-методологических подходов к оценке влияния аналитических центров на политику была разработана практическая модель.

---

⁶ Здесь и далее понятия «политический статус» и «влиятельность» будут рассматриваться как синонимы. Автор отдает себе отчет в том, что это можно делать с определенной долей условности. В дальнейших исследованиях по данной тематике различия в данных понятиях и явлениях, с ними связанных, будут рассмотрены и изучены дополнительно.

Модель оценки политического статуса аналитических центров

Объектом анализа были послужили 18 российских аналитических центров, которые были изучены в рамках исследования «Сравнительный анализ российских и зарубежных аналитических центров: case-study»⁷.

Предметом анализа в настоящей модели являются степень активности и степень влияния аналитических центров.

Согласно методологическому подходу к оценке политического капитала аналитических центров степень влияния центра зависит от объема ресурсов (капиталов), которыми он обладает, а именно от кадрового, организационного, интеллектуального, материального ресурсов и социального капитала (ресурсов связей). Как уже говорилось, интеллектуальный и материальный ресурсы способствуют накоплению символического капитала, которому в настоящей модели отводится особое место, в силу значительного вклада в политический капитал символического влияния. Таким образом, описанную модель можно представить в виде системы уравнений:

$$\begin{cases} Z = F(X_2, X_3), \\ Z = Z_1 + Z_2, \\ Y = X_1 + X_4 + Z_1 + Z_2, \end{cases}$$

где Z – величина символического ресурса аналитического центра (Z_1 – величина символического ресурса, а именно способности выступать в качестве автономной экспертной организации; Z_2 – величина символического ресурса, а именно способности выступать в качестве публичной организации, института гражданского общества); F – знак функции; X_2 – величина интеллектуального ресурса; X_3 – величина материального ресурса; Y – величина политического капитала; X_1 – величина кадрового и организационного ресурсов; X_4 – величина социального ресурса.

Чтобы оценить все указанные величины количественно, был проведен экспертный опрос⁸. В результате каждому проанализированному центру были

⁷ Исследование проведено кафедрой публичной политики ГУ-ВШЭ в рамках проекта «Аналитическая и экспертная поддержка принятия стратегических решений в бизнесе и государственном управлении», поддержанного инновационной образовательной программой ГУ-ВШЭ (ИОП ГУ-ВШЭ) «Формирование системы аналитических компетенций для инноваций в бизнесе и государственном управлении» Приоритетного национального проекта «Образование». Исследовательским коллективом проекта под руководством автора данной статьи было изучено более 60 российских и зарубежных аналитических центров: проведено 32 самостоятельных сравнительных мини-исследования (case-studies) аналитических центров. В заключение каждого кейса давались оценка роли и места (политического веса и статуса) центра в политическом процессе и рекомендации по повышению его политического статуса.

⁸ Опрос участников проекта, изучавших данные аналитические центры. Это отнюдь не единственный способ оценить величину ресурсов аналитических центров. Однако в данном исследовании качественный характер выбранной методики (case studies) диктовал экспертные способы оценки.

присвоены оценки величин соответствующих ресурсов и определена оценка политического капитала равная сумме оценок кадрового и организационного, социального и двух видов символического ресурсов:

$$M(Y) = M(X_1) + M(X_4) + M(Z_1) + M(Z_2),$$

где $M(Y)$ – оценка величины политического капитала; $M(X_1)$ – оценка величины кадрового и организационного ресурсов; $M(X_4)$ – оценка величины социального ресурса; $M(Z_1)$ – оценка величины символического ресурса (Z_1); $M(Z_2)$ – оценка величины символического ресурса (Z_2).

Таким образом, для каждого из 18 российских центров было получена некоторая числовая оценка величины политического капитала, или степени влияния. Степень политической активности аналитических центров измерялась путем подсчета количества упоминаний данных 18 центров в СМИ⁹. Итоги анализа представлены на рисунке.

Из 18 проанализированных аналитических центров наиболее статусным оказался Центр политических технологий (ЦПТ), получивший наиболее высокие оценки степени влияния и информационной активности. К нему близки по степени влияния Центр стратегических разработок (ЦСР), особенно по степени информационной активности, Центр политической конъюнктуры России (ЦПКР) и Институт экономики города (ИЭГ).

По уровню влияния и активности четко выделилась группа аналитических центров с относительно невысоким уровнем информационной активности и степенью влияния на политику. К этой группе можно отнести почти половину рассмотренных центров (8 центров). Можно предположить, что это достаточно распространенное явление для России в условиях ограничений, накладываемых социально-политической средой, отсутствия предпосылок для развития автономных мозговых центров¹⁰.

Величина политического капитала российских АЦ

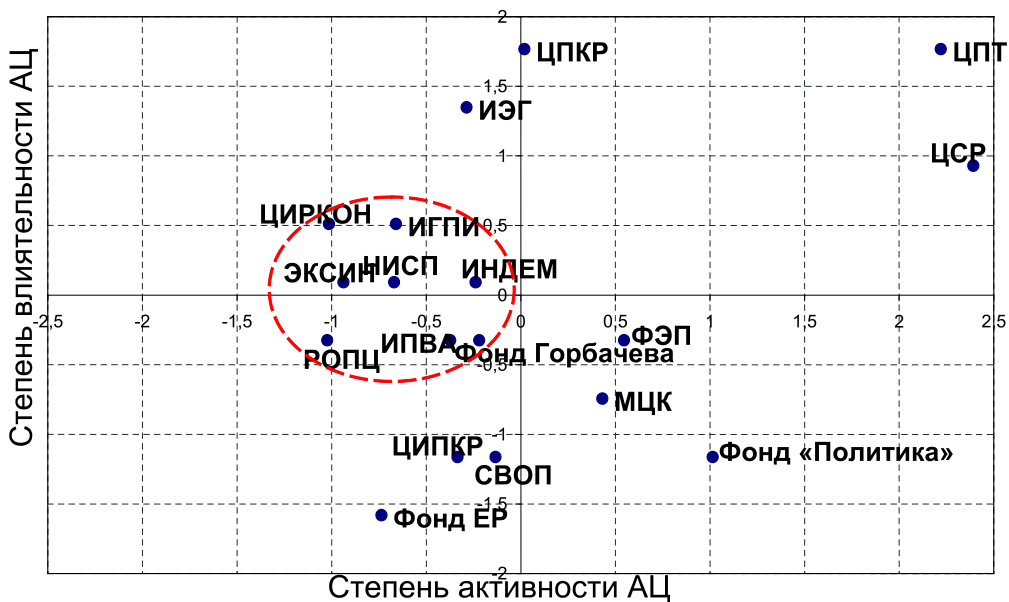
Необходимо отметить прогосударственные и партийные центры. К центрам с ярко выраженной прогосударственной идеологической ориентацией относятся: Фонд эффективной политики (ФЭП) и Фонд «Политика», отличающиеся относительно высоким уровнем информационной активности и присутствия в СМИ и низкой степенью влияния на политический процесс. Низкая степень влияния данных центров здесь определяется сравнительно небольшими объемами символического капитала, а именно небольшой способностью высту-

⁹ Согласно рассмотренным методологическим подходам степень политической активности аналитических центров не сводится только к их информационной активности, поэтому в дальнейших исследованиях предложенная здесь модель будет расширена и дополнена.

¹⁰ В литературе выделяют несколько таких предпосылок: юридические предпосылки; филантропические ресурсы; качественные человеческие ресурсы и высокую мобильность; открытость и конкурентность политического процесса.

пать в качестве независимых открытых организаций, институтов гражданского общества.

В число партийных центров входят: Фонд «Единство во имя России» (Фонд ЕР) и Центр исследования политической культуры России (ЦИПКР) при партиях «Единая Россия» и КПРФ. Они характеризуются практически полным отсутствием политических капиталов и сравнительно низким уровнем информационной активности. Вероятно, сравнительно небольшой политический вес политических партий в России определяет низкий статус партийных аналитических центров.

Величина политического капитала российских АЦ¹¹

Заключение

Проведенное исследование показало, что политический статус аналитических центров обусловлен уровнем политической активности центра и сте-

¹¹ ИПВА – Институт политического и военного анализа; ИЭГ – Институт экономики города; ИГПИ – Международный институт гуманитарно-политических исследований; ЦИРКОН – Исследовательская группа ЦИРКОН, Фонд Горбачева – Международный фонд социально-экономических и политологических исследований; МЦК – Московский центр Карнеги; НИСП – Независимый институт социальной политики; Фонд ЕР – Фонд «Единство во имя России»; ИНДЕМ – Фонд «Информатика для демократии»; РОПЦ – Фонд «Российский общественно-политический центр»; СВОП – Совет по внешней и оборонной политике; ФЭП – Фонд эффективной политики; ЦИПКР – Центр исследований политической культуры России; ЦПТ – Центр

пению влияния на политико-управленческий процесс. Быть полноправным субъектом политики в условиях публичного демократического конкурентного политического процесса – значит вести активную политику прежде всего по продвижению своего аналитического продукта.

Способность аналитического центра влиять на политико-управленческий процесс в свою очередь предполагает развитость ресурсов, или капиталов центра: кадрового и организационного, интеллектуального и материального, социального и символического. Особое значение в предлагаемой авторской модели оценки влияния аналитических центров придается символическому капиталу центров, а именно способности мозгового центра выступать в роли независимой публичной экспертной организации, от имени науки, гражданского общества в целом и масштабной социальной, политической группы в частности.

В рамках российского политического процесса ограничения, прежде всего, политической среды препятствуют развитию аналитических центров, отвечающим критериям «think tanks» –подлинно автономным институтам гражданского общества, выполняющим качественную политическую экспертизу, востребованную политическими акторами и субъектами, способными влиять на политико-управленческий процесс государства или бизнеса.

Библиографический список

1. *Беляева Н.* Публичная политика в России: теория и практика. Формирование научных школ // Публичная политика в современной России: субъекты и институты. Сб. статей. М.: ТЕИС, 2006.
2. *Бурдые П.* Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
3. *Даль Р.* Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003.
4. *Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. № 1, 2.
5. *Рич Э., Уивер К.* Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов // Pro et contra. 2003.Т. 8. № 2.
6. Сравнительный анализ российских и зарубежных аналитических центров: case study: Учеб. пособие. / Под ред. Н.Ю. Беляевой, Д.Г. Зайцева М.: ГУ-ВШЭ, 2007
7. *Abelson D.* Do Think Tanks Matter? Assessing the Impact of Public Policy Institutes. 2002 // <http://www.mqup.mcgill.ca/extra.php?id=21>
8. *Domhoff G. W.* The Powers That Be. Vintage Books, 1978 // http://www.thirdworldtraveler.com/Ruling_Elites/Powers_That_Be.html

---

политических технологий; ЦПКР – Центр политической конъюнктуры России; ЦСР – Центр стратегических разработок; ЭКСИН – Экспертный институт Российского союза промышленников и предпринимателей.

ТИПОЛОГИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЫБОРОВ ОРГАНОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РФ

.....

И. В. Гудков¹

Попытки описать специфическую систему и иерархию факторов, определяющих поведение российских избирателей, в последнее время предпринимаются довольно значительным числом исследователей. Подобный анализ имеет не только научную, но и практическую ценность, так как позволяет вырабатывать оптимальные механизмы организации и проведения избирательных кампаний, определять и корректировать стратегию и тактику участия в выборах политических партий и кандидатов. В данной статье мы остановимся на факторе региональной специфики электорального поведения.

С момента смены в России политического режима и закрепления федеративного устройства началось относительно самостоятельное и отнюдь не равномерное развитие регионов, связанное с особенностями их экономического положения, наличием или отсутствием ресурсной базы, особенностями демографического состава, природными условиями, степенью влияния и авторитета политической власти и т. п. Безусловно, политическая история регионов, их экономические и социально-демографические особенности отразились на формирующихся в их рамках типах и формах политической активности населения, в том числе электоральной.

Анализ результатов голосования в регионах на выборах представительных органов власти с момента введения смешанной (пропорционально-мажоритарной системы) и данных проведенных автором комплексных исследований электорального поведения позволяет выделить в качестве доминирующих на современном этапе развития политического пространства России следующие

---

¹ Гудков Иван Владимирович – аспирант кафедры прикладной социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета. Эл. почта: gudkoviv@mail.ru

типы электорального поведения: 1) патриархальный; 2) традиционный; 3) клиентарный; 4) протестный; 5) маргинальный.

В регионах с относительно невысокой долей урбанизации, сохранившимся традиционным укладом преобладает *патриархальный* тип электорального поведения. Довольно четко он выражен в республиках Северного Кавказа и в Сибири. Для данного типа электорального поведения характерны: единообразное голосование, высокая явка, преобладание в мотивах голосования мнения авторитетных лиц, доминирование персоналистского выбора, слабая выраженность собственно политических ориентаций населения.

Сохранившаяся система кланово-родственных связей (тейпы, родовые семьи), традиционное уважение к руководителям, четкая система соподчинения – все это обеспечивает крайне высокий мобилизационный потенциал правящих элит. В результате в этих регионах оказывается возможной реализация практически в чистом виде «кабинетных» замыслов. Население голосует так, как говорят начальники. Причем подобное голосование не носит характера подчинения или принуждения. Люди голосуют так, как их «просят руководители», «из уважения к ним».

Довольно яркой иллюстрацией такой организации голосования могут служить результаты референдума по объединению Красноярского края. Участники фокус-групп, проводимых за 2 месяца до даты референдума в Эвенкийском АО, практически единодушно высказывались против объединения, приводя вполне осознанные рациональные аргументы: «объединение приведет к потере статуса субъектов, к снижению финансирования, к изменениям в административном устройстве, к сокращению ставок в бюджетной сфере и прочее»². Однако более 50 % населения проголосовало за объединение. На фокус-группах, проведенных в Эвенкии в январе 2007 г. (спустя год после объединения), респонденты следующим образом комментировали свое решение: «Проголосовали, потому что губернатор попросил. Мы понимали, что его сильно “нагнули” в Москве. Это была наша дань Золотареву (губернатору), за все, что он для нас сделал»³.

С отношением к выборам как к «дани уважения начальству» связан и особый, единообразный стиль голосования. Практически на всей территории Сибири и в республиках Северного Кавказа «партия власти» на региональных выборах набрала рекордный для того избирательного цикла процент голосов: 53,64 % в Омске, 46,79 % в Томске, 42,5 % в Красноярске. При таком

² Фокус-групповое исследование, проведенное на территории Эвенкийского автономного округа в период с 4 по 18 февраля 2005 г. Институтом социального маркетинга. Квотирование по уровню образования и месту проживания (материалы из личного архива автора).

³ Фокус-групповое исследование, проведенное на территории бывшего Эвенкийского автономного округа в период с 9 по 23 января 2007 г. с квотированием по полу, возрасту и типу занятости (материалы из личного архива автора).

высоком проценте голосования за «Единую Россию» удалось «не обидеть» и вторую «партию власти» («Справедливая Россия» набрала по этим территориям от 8 до 12 %). Свои традиционные проценты получили и остальные участники (ЛДПР, КПРФ, СПС). Комментируя результаты выборов, губернатор Красноярского края А. Хлопонин, возглавлявший список «Единой России», так объяснял успех партии: «Проголосовав за “Единую Россию”, люди поддержали выработанную руководством края программу развития. Успех партии – это показатель правильности выбранного нами курса»⁴. Сами же избиратели оценивают довольно сдержанно темпы развития края («Развивается в основном сам Красноярск, а на 100 км отъедешь – ни дорог, ни нормального жилья, ни возможности работать»), вместе с тем поддерживают и уважают губернатора и голосовали за «Единую Россию» преимущественно из-за фигуры Хлопонина и других «уважаемых» начальников, возглавивших списки на местах: «Хлопонин Север очень хорошо знает – он свой. Он к нам приезжает не просто агитацию вести, а как друг. Мы его очень уважаем»⁵.

Довольно интересную картину дает анализ мотивов голосования, доминирующих при данном типе электорального поведения. Как правило, на первое место респонденты ставят мотивы общественной значимости: «Важно не то, что кандидат (партия) может сделать лично для меня, а то, что он (она) может сделать для нашего района (поселка, рода)»; «что хорошо для всех нас, то хорошо и для меня». Сформулировать этот востребованный коллективный интерес, определить, что является важным для всех, могут «знающие люди»: начальники, главы родовых семей, представители уважаемых профессий (врачи, учителя). Вот почему решение о голосовании чаще всего принимается коллективно, в результате общественных обсуждений. По этой же причине при данном типе электорального поведения обычно минимален процент случайного голосования, когда решение принимается непосредственно на избирательном участке.

Еще одной важной отличительной чертой патриархального типа электорального поведения является невычлененность собственно политических ориентаций населения. Здесь доминирует персоналистский выбор, а политические партии идентифицируются не по идеологическим установкам, а в связи с конкретными людьми: «Что это за партия такая “Справедливая Россия” – мы не знаем, но у нас ее Дружинин представляет»; «Коммунисты у нас тоже есть – Тамара Яковлевна Карнаухина там, но сейчас она заболела, поэтому деятельности никакой не ведет»; «ЛДПР во многих мероприятиях участвует, но

⁴ Программа «Сегодня» (канал НТВ). 2007. 12 апр.

⁵ Фокус-групповое исследование, проведенное на территории бывшего Эвенкийского автономного округа в период с 9 по 23 января 2007 г. с квотированием по полу, возрасту и типу занятости (материалы из личного архива автора).

у них лидер – пьющий человек, что уж тут говорить о партии»⁶. Голосование за партии в том случае, если партийный список не является формой персоналистского выбора, здесь носит преимущественно формальный, немотивированный характер: «Голосуем за одних, а выбираем совсем других – кот в мешке»; «Нехорошо, когда люди идут первыми в списках, а потом уходят, это беда партийных списков, кто там за ним остался»; «Все всех знают. И знают, что если их выберут, никогда они работать в Заксобрании не будут»⁷.

Довольно сходен по стилевым характеристикам с патриархальным так называемый *традиционный* тип электорального поведения. Внутри данного типа представляется целесообразным выделить две модели голосования: традиционное партийное (идеологическое) и консервативное (инерционное).

Традиционное партийное голосование – явление, характерное для большинства стран развитой демократии, например, в США население традиционно голосует за республиканцев или консерваторов. В России история свободных выборов довольно коротка, не закончено политическое структурирование общества, да и идеологическую оформленность партий нельзя считать окончательной. Политические установки и лозунги партий могут меняться даже в рамках одного выборного периода, являясь продуктом скорее технологическим, нежели идеологическим. Так, например, КПРФ может позволить себе критиковать действующую власть за ограничения свободы слова и налоговое давление на предпринимателей, а СПС может выступить за социально ориентированную экономику и расширение социальных обязательств государства, как это случилось на последних региональных выборах. Тем не менее и в нашей стране традиционно-партийное голосование на выборах, безусловно, присутствует. Учитывая идеологическую неустойчивость большинства партий, целесообразно говорить не столько о структуре политического предложения, сколько о структуре политического спроса, т. е. о размежевании среди идеологически ориентированного электората. Для российского общества в большей степени характерно не собственно идеологическое, а социокультурное размежевание на основе различного представления о базовых ценностях и антиценностях, образующих социально-политические расколы (кливажи). Период зарождения и оформления данного ценностного размежевания – первое постсоветское десятилетие, а его главные линии – поддержка/отрицание рынка (реформаторы/антиреформаторы), технократизм/социальность реформ, авторитарность/демократизм, национал-патриотизм/западничество. Совокупность этих кливажей определила систему координат, в которой формировались на данном этапе партии и блоки, а вместе с ними и их избиратели. Все многообра-

⁶ Фокус-групповое исследование, проведенное на территории бывшего Эвенкийского автономного округа в период с 9 по 23 января 2007 г. с квотированием по полу, возрасту и типу занятости (материалы из личного архива автора).

⁷ См. там же.

зие политических партий, возникших на данном этапе, традиционно распределяемое по право-левой шкале, с точки зрения электорального спроса сводилось к двум типам: «демократы» и «коммунисты». Соответственно, основными ценностными ориентациями демократически настроенного электората были: гражданские свободы, рыночная экономика, открытое западно-ориентированное государство. Коммунистически настроенный электорат придерживался противоположных ценностей: управляемая экономика, сильная (авторитарная) власть, социально ориентированное государство, национал-патриотизм (великодержавность). Таким образом, можно говорить о двух, первоначально сложившихся вариантах партийного голосования: за демократов и за коммунистов.

Безусловно, наиболее ярко данный тип голосования проявляется на федеральных выборах, тем не менее в тех регионах, где партийно-идеологическое голосование традиционно доминирует (Санкт-Петербург, Воронеж, Орел, Ростов-на-Дону и ряде других), выборы региональных представительных органов власти также являются битвой преимущественно партийно-политических структур, а голосование за кандидатов-мажоритариев определяется по их партийной принадлежности: «Я всегда, когда за кандидатов голосую, сначала смотрю графу, где написано, в какой он партии. О человеке я мало что знаю, а партия – это идея, программа»; «Человек и партия – это едино. Какая партия – такие там и люди, поэтому для меня главное – партия, а люди в ней могут меняться»⁸.

Яркими носителями традиционного партийного голосования являются люди, чье политическое самоопределение происходило в перестроечные годы, соответственно, в возрасте от 40 лет и старше, причем, это наиболее социально-активная, преимущественно, городская часть населения, принимавшая непосредственное участие в политических процессах конца 1980-х, начала 1990-х гг.

Примечательно, что первоначально граница «водораздела» между двумя типами идеологической активности (демократической и коммунистической) пролегла между Севером и Югом страны. Население северных регионов, включая две столицы (Москву и Санкт-Петербург), представляло собой преимущественно демократически ориентированный электорат. К югу от Москвы начиналась граница «красного пояса», население которого было настроено прокоммунистически. Однако неверно рассматривать это противостояние исключительно с позиций идеологических. Дело в том, что южные территории – это в основном аграрные регионы с большой долей сельского населения в социально-демографической структуре. Голосование за коммунистов здесь

⁸ Фокус-групповое исследование, проведенное на территории Воронежской области в период с 9 по 20 декабря 2004 г. с квотированием по полу, возрасту и типу занятости (материалы из личного архива автора).

обуславливалось не столько идеологией, сколько консерватизмом населения, предпочитающего стабильность, взвешенность, «хорошо проверенное старое».

В данном случае мы имеем дело с *консервативной (инерционной)* моделью голосования внутри обозначенного нами традиционного типа электорального поведения.

Российская ментальность развивалась на стыке двух систем социокультурных генотипов: инновационном и инерционном. Первый генотип предполагает установку на обновление уклада жизни, восприимчивость к инновационным импульсам (новаторским идеям, социальным реформам, совершенствованию производства), состязательность, самооценку свободы личности, венчурную психологию, полисную организацию социальной и политической жизни, высокую социальную мобильность. В инерционном генотипе доминируют настороженность к инновациям, самооценка сложившегося (традиционного) уклада жизни, склонности к централистской организации социальной, политической и даже экономической жизни, экстенсивность воспроизводственных циклов, вертикально-сословная иерархия, инерционная социальная мобильность.

«Водораздел» между носителями инновационной и инерционной культуры по линии «город – село» был заложен в Петровскую эпоху, когда происходил форсированный процесс реформирования по западному образцу светской жизни за счет форсированного же развития крепостнических отношений. Принципиальным образом перестраивалась верхушка общества, тогда как внизу только укреплялась православная соборность.

Всю последующую историю сельское население продолжало оставаться носителем традиционной культуры, с той или иной степенью активности противостояло внедрению инноваций, как духовно-нравственных, так и политических. Не случайно российское крестьянство в наибольшей степени пострадало от репрессий в сталинскую эпоху.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что традиционный тип электорального поведения, характерный для сельских жителей, носит не идеологический, а социокультурный характер и в полной мере повторяет характеристики инерционного типа поведения. Вот почему организованное голосование за Коммунистическую партию («за прежний режим») после 2001 г. сменилось столь же организованным голосованием за «Единую Россию» как «гаранта стабильности и существующего мироустройства».

Как уже говорилось, по своим характеристикам традиционный (инерционный) тип электорального поведения во многом совпадает с описанным патриархальным: высокая явка, единообразное голосование, большой мобилизационный потенциал элит, ориентация не на личное, а на коллективное мнение. Однако природа этих поведенческих характеристик иная. Высокая явка сель-

ского населения на выборы – не признак активного социально-политического участия, а дань традициям, социальная память (в советское время за неявку на выборы лишали трудовой). Высокий мобилизационный потенциал элит обеспечивается административным, а не личным влиянием. Носители патриархального типа электорального поведения голосуют «по рекомендации» «из уважения», тогда как на селе обычно действует метод кнута и пряника: «Я прихожу на избирательный участок, а в дверях наш председатель стоит и говорит: “Помнишь ли ты, за кого голосовать надо?” Как уж тут забудешь, когда он так грозно смотрит, ирод!»⁹. Единообразия в голосовании обеспечивается выбором по принципу «за тех, кто у власти»: «Потому что власть у нас одна. Раньше КПСС была, а теперь “Единая Россия”», «Откуда знаем, почему у власти, так ведь там все главы, раньше они были коммунистами, а теперь в “Единой России”»¹⁰.

В большинстве аграрных регионов именно село определяет облик представительных органов власти субъекта. В отдельных регионах, таких как Тульская, Воронежская, Белгородская области, явка на выборы в сельской местности в 2–2,5 раза превышает явку по городу, что при почти равных долях сельского и городского населения в демографической структуре определяющим образом сказывается на результатах голосования. Так, на выборах в Воронежскую областную Думу (2005 г.) первое место по городу заняла партия «Родина» с результатом 24,16 % против 14,01 % «Единой России», однако голосование по селу в корне изменило картину, общеобластной итог «Родины» – 21,01 %, «Единой России» – 29,11 %. Еще более показательны итоги голосования по одномандатным округам: партии «Единая Россия» удалось провести в сельских районах 10 своих кандидатов, а по городу – только 2. В результате, набрав всего 29 % голосов избирателей, «Единая Россия» получила 70 % мандатов в областной Думе. В этом случае вполне уместно говорить о не вполне корректной представленности интересов населения региона в законодательном органе власти, в результате чего значительно падает доверие к действиям депутатского корпуса и самому институту политического представительства. Так, по итогам исследования общественного мнения, проведенного в г. Воронеже спустя год после выборов депутатов областной Думы, «неудовлетворительно» оценили работу депутатского корпуса 48,3 % горожан, а 41,6 % опрошенных затруднились ответить. Более того, только 2,3 % жителей города считают, что депутаты оказывают влияние на процессы, происходящие в регионе¹¹. Участники фокус-групп,

⁹ Фокус-групповое исследование, проведенное на территории Воронежской области в период с 12 по 20 мая 2006 г. с квотированием по полу, возрасту и типу занятости (материалы из личного архива автора).

¹⁰ Фокус-групповое исследование, проведенное на территории Воронежской области в период с 12 по 20 мая 2006 г. с квотированием по полу, возрасту и типу занятости (материалы из личного архива автора).

¹¹ Опрос, проведенный на территории г. Воронежа в период с 12 по 20 мая 2006 г. Использо-

проведенных в рамках того же исследования, называли депутатов «марионетками, обслуживающими интересы областной администрации». Абсолютное большинство участников, считая, что их интересы оказались неучтенными при распределении депутатских мандатов, выразили недоверие нормативно-правовой стороне выборов. Доминирующее мнение респондентов – «итоги голосования были “сделаны” областным аппаратом в управляемых сельских районах»¹².

Недоверие к процедуре выборов, факты давления со стороны руководителей и чиновников, убежденность, что все продается и покупается, крайне низкая степень оценки действий органов власти порождают такие формы электорального поведения, как *клиентарная* и *протестная*.

В настоящее время патрон-клиентские взаимоотношения на региональном уровне становятся чуть ли не единственной формой взаимодействия между властью и бизнесом, властью и общественно-политическими институтами. Представительные органы субъектов формируются как структуры, обслуживающие интересы бизнеса и административного аппарата, а политические партии, по сути, оказываются поставщиками политических услуг, одновременно попадая в зависимость от финансового ресурса регионального бизнеса и административного ресурса исполнительной власти.

По мнению ряда экспертов, в последнее время отношение к выборам в законодательные собрания регионов как к «политическому торгу» за право реализовать посредством них свои интересы со стороны чиновников и бизнес-элит становится все более откровенным. Налицо факты проявления ценностного конформизма основных участников, выражающиеся в купировании темы правовых нарушений, допускаемых всеми сторонами (подкупа, агитации в день выборов, распространения «неучтенной» агитпродукции и т.п.), в откровенном использовании «черных» фондов, агрессивном административном давлении (как чиновничьем, так и корпоративном). Это в свою очередь приводит к резкому падению доверия населения к институту представительства и процедуре выборов. Первоначально такое отношение выражается в снижении электоральной активности, население начинает игнорировать институциональные формы взаимодействия с государством: резко падает явка либо возрастает нигилистическое голосование («против всех»). Однако постепенно избиратели, заражаясь ценностным конформизмом элит, начинают относиться к выборам как к единственной возможности получить какие-либо блага. Так формируется клиентарный тип электорального поведения.

ван метод полуформализованного интервью по месту жительства респондентов с квотированием по полу, возрасту, району проживания. Совокупная выборка – 800 респондентов (материалы из личного архива автора).

¹² Фокус-групповое исследование, проведенное на территории Воронежской области в период с 12 по 20 мая 2006 г. с квотированием по полу, возрасту и типу занятости (материалы из личного архива автора).

Наиболее ярко данный тип выражен в тех регионах, где сконцентрированы интересы крупных бизнес-структур и представлены влиятельные ФПГ: Поволжье, регионы Крайнего Севера, приграничные территории (Калининград, Хабаровск).

Клиентарный тип электорального поведения отличает: доминирование рационального выбора в мотивах голосования, средний (либо чуть ниже среднего) уровень явки, зависимость последней от качества политического предложения и агитационной активности основных игроков (чем активнее кампания и выше уровень кандидатов, тем выше явка), сложнопрогнозируемый результат голосования (на конечный результат может повлиять огромное количество факторов: от появления более выгодного предложения до удаления основных игроков юридическими либо финансовыми средствами).

Важным элементом, отличающим клиентарный тип электорального поведения от остальных, является характер отношения населения региона к представительным органам власти. При довольно высокой информированности о деятельности последних респонденты крайне низко оценивают степень влияния депутатов на процессы, происходящие в регионе. Так, по данным количественного опроса, проведенного в Калининградской области в марте 2007 г., большинство населения считают, что на процессы, происходящие в области, наибольшее влияние оказывает губернатор (43,6 %), на втором месте стоит крупный бизнес (27,5 %), при этом влияние областного депутатского корпуса оценивается на уровне 4,3 %¹³. Участники фокус-групповых исследований, проведенных в Республике Коми и Самарской области в 2006–2007 гг., выражая свое отношение к депутатам, говорили об их несамостоятельности, утверждая, что вся их работа подчинена отстаиванию интересов чиновников и корпораций: «У нас все Президент и Правительство решают, а в Госсовете только руки поднимают, их туда для того и выбрали»¹⁴, «Чем у нас депутаты занимаются – землю оттяпать, льготы выбить, собственность к рукам прибрать. Они даже не краснеют, потому что сами-то кто – да, никто. За ними такие деньги стоят! Они там наказы отрабатывают, только не народные, а своих боссов»¹⁵.

Избирательные кампании в регионах с выраженным клиентарным типом электорального поведения проводятся с применением преимущественно мар-

¹³ Опрос, проведенный на территории Калининградской области в период с 10 по 20 марта 2007 г. Использован метод полуструктуризованного интервью по месту жительства респондентов с квотированием по полу, возрасту, району проживания. Совокупная выборка – 1200 респондентов (материалы из личного архива автора).

¹⁴ Фокус-групповое исследование, проведенное на территории Республики Коми в период с 23 ноября по 8 декабря 2006 г. с квотированием по полу, возрасту и типу занятости (материалы из личного архива автора).

¹⁵ Фокус-групповое исследование, проведенное на территории Самарской области в период с 5 по 25 февраля 2007 г. с квотированием по полу, возрасту и типу занятости (материалы из личного архива автора).

кетинговых технологий: дифференциация населения на целевые группы, выявление потребностей каждой группы и выработка предложений, максимально удовлетворяющих потребности. Так, например, план выборной кампании в Самарскую губернскую Думу партии «Единая Россия» включал в себя следующие мероприятия: акция «С днем рождения, малыш» (подарки в роддомах для матерей), «Здоровая Россия» (строительство катков и хоккейных площадок для молодежи), поддержка социальных проектов творческой интеллигенции, акция «Позвони родителям» (бесплатная связь для военнослужащих срочной службы) и т.п.

Как правило, выборные кампании для избирателей с клиентарным типом поведения отличаются высоким уровнем применяемых рекламных технологий: высококачественная полиграфия, массированное информационное воздействие, высокозатратные массовые мероприятия (концерты звезд, спортивные турниры, автопробеги и пр.). Избиратели хотят видеть «товар лицом» и с подозрением относятся к политическим игрокам, пытающимся на них сэкономить.

Эффективным средством привлечения голосов избирателей становятся так называемые добрые дела: ремонт подъездов, вывоз мусора, опиловка деревьев, строительство детских площадок: «Они же потом 4 года будут только на себя работать, так пусть хоть в эти два месяца что-то для нас сделают»¹⁶.

В подобных условиях становится крайне сложным прогнозировать итоговый результат голосования. Избиратели, стараясь максимально эффективно использовать момент выборов, принимают предложения всех без исключения участников процесса, часто просто забывая имена и политическую принадлежность «дарителей». Как правило, наибольшие шансы на успех имеют те игроки, которым удалось «закрепиться» в сознании избирателей. Большое значение имеет фактор доминирования в информационном поле. Случается, что даже негативная известность выводит кандидатов в лидеры избирательной гонки. Так, по одному из округов на выборах в Самарскую губернскую Думу в 2007 г. победил кандидат, нелестными высказываниями в адрес которого были расписаны все дома и подъезды округа. Тем не менее, именно ему были приписаны в сознании избирателей все акты благотворительности («ругают, значит, больше всех сделал»).

Большинство из описанных нами фактов так или иначе находятся вне рамок нормативного поля. Таким образом, как мы уже отмечали, главным условием существования клиентарного типа электорального поведения является ценностный конформизм участников политических процессов, определяемый их социально-психологическими и культурными особенностями.

¹⁶ Фокус-групповое исследование, проведенное на территории Самарской области в период с 5 по 25 февраля 2007 г. с квотированием по полу, возрасту и типу занятости.

В случае доминирования иной (нонконформистской) системы ценностей у ее носителей проявляется так называемый протестный тип электорального поведения.

Описать границы распространения данного типа поведения избирателей географическими рамками довольно сложно, так как в данном случае мы имеем дело не с географической, а социально-демографической общностью. Основные носители данного типа – люди старшего поколения, воспитанные в традициях советской эпохи, образованная молодежь и представители интеллигенции (в социокультурном понимании данного слова). С определенными допущениями в таком случае можно говорить, что данный тип электорального поведения характерен для городов с высокой концентрацией высших учебных заведений, наличием высокотехнологических производств и связанных с ними научно-исследовательских центров и лабораторий, с существенной долей в демографическом составе научно-технической и творческой интеллигенции. К основным отличительным критериям исследуемого типа поведения относится уровень образования и связанных с ним жизненных практик его носителей.

Выявляя идеал-типическую модель российской государственности, многие исследователи говорят о том, что основа ее коренится в просвещении. Именно просвещение задает допустимые границы свободы, служит основой культуры социального взаимодействия, коллективного творчества масс.

На всем протяжении российской истории именно просвещенные слои общества были основными регуляторами степени государственного давления и произвола, начиная с восстания декабристов и заканчивая диссидентским движением в советскую эпоху.

Система образования и наукоемкая индустрия явились основой для формирования в СССР особого культурного социального пространства, в рамках которого развивалась «действительная оппозиция тоталитарному строю» [1, с. 299]. Коммунистическая номенклатура вынуждена была допускать существование в рамках формальных структур альтернативных форм социального взаимодействия: научных лабораторий и кружков, туристических и рок-клубов, писательских сообществ и групп читателей толстых журналов. Исследователь В.С. Библер называет это «социумом свободного времени» [2, с. 276]. Формируемое в рамках него культурное пространство предполагало наличие таких базовых ценностей и развитие таких социальных практик, как культура свободы, умственная дисциплина, уважение к инакости, привычка к гласному обсуждению и культура спора.

Именно просвещенная интеллигенция стала в эпоху перестройки основным проводником ценностей нового времени: демократизации, гражданских свобод, открытости и гласности, а в эпоху Ельцина (начало 1990-х гг.) – социальной базой поддержки реформ и государственных преобразований. Это

был период небывалого подъема гражданской активности, период бурный, но непродолжительный. Как только новая власть, продолжая извечные традиции российской власти, решила, что «власть – это мы, а не они», она начала урезать гражданские права, проводить непопулярные экономические эксперименты, обернувшиеся снижением жизненного уровня (и прежде всего интеллигенции), подменять понятие «свобода» понятием «вседозволенность», социальная активность интеллигенции сменилась разочарованием и демонстрацией неучастия.

Таким образом, российскую интеллигенцию отличает, с одной стороны, ценностный нонконформизм, с другой стороны, конформность моделей поведения и социальных практик. Ценностные ориентации в данном случае становятся мерилем допустимости применения тех или иных поведенческих форм.

Для того чтобы понять природу протестного типа электорального поведения, носителем которого выступает образованная часть общества, важно выявить основные поведенческие особенности данной группы, определяющие характер ее социально-политического участия. К таким особенностям относятся: легитимность инакомыслия, неприятие давления, поддержка и сочувствие слабым, невыраженная коммюнитарность, предпочтительность когнитивного опыта поведенческому, критическое отношение к официальной информации и пропаганде.

Отличительной чертой российской интеллигенции всегда была ее оппозиционность действующему режиму (самодержавию в царской России, Коммунистической партии в СССР, демократам в постсоветской России). Показательно, например, отношение к Б. Ельцину, вектор которого менялся от «абсолютной поддержки», когда тот был выразителем инакомыслия (один против Верховного Совета), до полного разочарования, когда он стал действующим Президентом. Инакомыслие всегда порождало небывалый интерес и практически априорную поддержку. Применительно к электоральному поведению можно говорить о факторе легитимности инакомыслия, определяющем мотивы голосования: «за тех, кто в оппозиции».

Следующая черта протестного типа электорального поведения связана с неприятием любых форм давления и может выражаться как в отказе от политического участия (моратории на выбор), так и в активном социальном протесте (акция «Митинг несогласных» в Санкт-Петербурге в период думских выборов).

Для протестного типа электорального поведения характерно также голосование за слабых игроков, особенно в том случае, если на последних оказывается давление со стороны официальных властей (жалость к обиженным). В итоге лидером выборной гонки может оказаться явный аутсайдер (так случилось, например, во время выборов мэра г. Воронежа в 2005 г., когда по итогам

голосования первое место занял кандидат, шансы которого в начале кампании ни один из экспертов не расценивал как серьезные).

Имея дело с протестным типом электорального поведения, необходимо учитывать также критическое отношение его носителей к официальным источникам информации. Все, что проходит по официальным СМИ, воспринимается как пропаганда и подвергается сомнению. Предпочтение отдается неофициальным источникам и неформальным формам коммуникации. Во многом позицию избирателей определяет их собственный когнитивный опыт.

Завершая анализ особенностей протестного типа поведения избирателей, важно отметить, что в настоящее время он не оказывает решающего воздействия на результаты региональных выборов. Во-первых, в связи с задаваемыми государством нормативно-правовыми рамками (ликвидация графы «против всех», ограничение возможности массового выражения протеста – Закон об экстремистской деятельности), а во-вторых, в связи со слабой коммунистичностью его носителей, предпочитающих индивидуализм и отвергающих возможность влияния на политические процессы посредством «энергии толпы».

Описание типов электорального поведения, проявляющихся на современном этапе политического развития России, закончим характеристикой еще одного типа, имеющего социально-демографическое основание, – *маргинального*. Необходимость выделения данного типа диктуется актуальностью самой проблемы маргинализации общества и социальной дезинтеграции в постсоветской России.

Понятие «маргинальность» служит для обозначения пограничности, периферийности или промежуточности состояния субъекта по отношению к каким-либо социальным общностям (национальным, классовым, культурным). Маргинал – человек, по каким-то причинам покинувший одну социальную группу и перешедший в другую, но еще не установивший с ней экономические, социальные и духовные связи («промежуточный человек»).

Как отмечают исследователи, «люди, по разным причинам выпадающие из привычной социальной среды и неспособные примкнуть к новым общностям (зачастую по причинам культурного несоответствия), испытывают большое психологическое напряжение и переживают своеобразный кризис самосознания» [3, с. 154], что в свою очередь отражается на их поведенческих реакциях.

Маргинальный тип электорального поведения характеризуют следующие особенности: низкая степень лояльности действующим политическим институтам, неприятие нормативных процедур, негативная мобилизация, доминирование иррационального выбора, низкая избирательная активность.

В наибольшей степени данный тип электорального поведения выражен в депрессивных регионах с низкой социальной занятостью либо на тех территориях, где в социальной структуре значительно представлены такие группы,

как бывшие заключенные, низкоквалифицированные рабочие, безработные. Примечательно, что подобные «зоны риска» есть и в благополучных регионах. Так, например, в Республике Коми, являющейся донором федерального бюджета, обладающей большим количеством природных ресурсов, имеющей на своей территории высокодоходные предприятия добывающей и перерабатывающей отраслей, пятая часть населения до сих пор проживает за чертой бедности. Среднедушевые денежные доходы в месяц (по итогам 2005 г.) составили 11148,8 р. Однако соотношение доходов 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения в 2005 г. достигло 18,7 раза. На долю 10 % наиболее обеспеченных в 2005 г. приходилось 32,1 % общего объема денежных доходов (их среднедушевой доход составил 35,9 тыс. р.), а на долю 10 % наименее обеспеченных – 1,7 % (их среднедушевой доход равнялся 1,9 тыс. р.). Ситуацию усугубляет огромный разрыв в уровне жизни различных социальных групп: отсутствие у значительной части населения возможности получать медицинское обслуживание, крайне плохие условия жизни, отсутствие элементарных социальных гарантий. В результате усиливается социальная напряженность, падает доверие к действиям властей всех уровней, возрастает социальная дезинтеграция. Недоверие властям порождает проблему легитимности политических институтов и демократических процедур. Либо население отказывается от проявления политического участия, либо это участие приобретает характер спонтанно-эмоционального, либо начинает носить форму «естественного обмена».

Во время фокус-групповых дискуссий респонденты следующим образом объясняли свое нежелание принимать участие в выборах: «Не ходила и не пойду – время еще на это тратить. Я пятнадцать лет как-то кручусь, детей кормлю и себя, и никакой поддержки от государства не получала. Я ему не нужна, так зачем оно мне нужно?»¹⁷.

Нежелание принимать участие в выборах является формой так называемой «негативной мобилизации», характерной для данного типа электорального поведения. Другой его формой является так называемое голосование «не за, а против». Очень характерно для маргинального типа электорального поведения голосование за кандидатов и партии, спекулирующих на ярких популистских лозунгах национал-патриотического и «классового» содержания, типа «борьбы с олигархами», «восстановления границ России в пределах 1913 года», «Россия для русских» и пр. Эта тенденция имеет прежде всего психологические корни: человек редко способен признать виновным в своем положении себя, предпочитая переложить ответственность на обстоятельства и других людей (олигархов, чиновников и т. п.). Поэтому для мобилизации маргинального электората, как правило, используется образ «врага», ответственного за

¹⁷ Фокус-групповое исследование, проведенное на территории Воронежской области в период с 12 по 20 мая 2006 г. с квотированием по полу, возрасту и типу занятости.

все беды и несчастья. Избиратели в таком случае голосуют не за, а против тех, кто для них ассоциируется с этим образом (типичный пример – голосование за партию Жириновского).

Разрыв привычных социальных связей и смыслов обуславливает резко негативную реакцию на традиционные формы коммуникации и содержательные концепты. Возникает потребность в новых смыслах, идеях, формах выражения политической позиции. Выбор становится зависимым от случайных эмоциональных, как правило, персоналистских предпочтений. Отсюда значимость демонстративного поведения, политики жеста, эпатажных лозунгов, яркого видеоряда. Именно из этих потребностей анализируемой социальной группы рождаются так называемые лидеры толпы, значимость которых на региональном уровне, возможно, даже выше, чем на общефедеральном. Аккумулируя социальный протест и переводя его в русло конвенциональных форм политического участия, эпатажные региональные лидеры выполняют функцию социальных буферов, их рейтинг зачастую перекрывает рейтинг федеральных политиков. Именно они, как правило, составляют основную конкуренцию на региональном уровне всем «партиям власти» (начиная с «Демвыбора» и заканчивая «Единой Россией»), а созданные ими партии и блоки получают немалый процент на выборах региональных представительных органов власти. Так, например, в Воронеже блок «Справедливость», созданный Г. Кудрявцевой, рейтинг которой на родине перекрывает рейтинг действующего губернатора, получил по городу около 15 % на выборах в областную Думу в 2005 г.

Необходимым условием для успешной карьеры «народного героя» является его скандальность. В этом случае его замечают и на федеральном уровне, а на его родине с гордостью говорят: «Это – наш. Смотрите, как он их всех!» Например, коммунист Василий Шандыбин, устраивающий драки в Госдуме с другими депутатами и позволявший себе неприличные шутки, даже теперь, когда он уже не депутат Госдумы и живет не в Брянске, а в Москве, на своей родине пользуется авторитетом. Или Александр Федулов, депутат Госдумы прошлого созыва, публично померившийся силами с самим Шандыбиным. Он давно уже не депутат, но в своей Курской области до сих пор пользуется определенной популярностью. Не случайно на выборах мэра Курска за него проголосовали 20 % избирателей (за победителя Виктора Суржикова – 30 %). Теперь «непримиримый борец с коммунистами» возглавляет курское отделение СПС, благодаря чему рейтинг этой партии там гораздо выше, чем в других регионах.

Другой пример – Дмитрий Rogozin, прошедший в Госдуму по одному из одномандатных округов Воронежской области и сделавший ее плацдармом для политической карьеры непримиримого оппозиционера. Умело играя на настроениях жителей своего округа, Rogozin добился там небывалой популярности: на предпоследних выборах в Госдуму он получил около 80 % голосов.

Партию «Родина», которую он тогда возглавлял, поддержали 20 % избирателей Воронежской области. Три года назад благодаря этому феномену Воронежская область, бывшая когда-то столицей «красного пояса», стала восприниматься как столица «пояса коричневого».

Еще одна черта маргинального типа поведения, получившая, к сожалению, широкое распространение на региональных выборах, – склонность его носителей к «естественному обмену»: голос взамен денег или, что не менее распространено, крепких алкогольных напитков.

Подводя итоги, необходимо еще раз подчеркнуть, что попытка типологизации электорального поведения, предпринятая в данной статье, базировалась прежде всего на анализе особенностей поведения избирателей на выборах региональных представительных органов власти и выявлении специфических ожиданий, потребностей и мотивов голосования, характерных для данного уровня выборов. При проведении избирательных кампаний иного уровня, в частности, глав исполнительной власти, формируется принципиально другая система электоральных ожиданий и мотивов, соответственно, изменяются и типы поведения избирателей.

Библиографический список

1. *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. М.: Московский общественный научный фонд, 1997.
2. *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры. М.: Директмедиа Паблишинг, 1990.
3. *Волков Ю.Г., Мостовая И. В.* Социология: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 1998.
4. *Рахманин В.С.* Социокультурный кризис в России // Вестник Воронежского государственного университета. 1993. № 1.

ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

.....

А.М. Паликова ¹

Неотъемлемой частью политической системы современного демократического общества являются политические партии. С провозглашением перехода к демократическому устройству Российского государства произошла и значительная трансформация политической системы. Особую роль в трансформации сыграло формирование и развитие политических партий. В демократическом обществе политические партии выступают наиболее значимыми субъектами избирательного процесса. В России пока нет сложившихся партий западного типа (ближе всех к западному образцу КПРФ), имеющих прочную социальную базу, способных эффективно выявлять интересы больших групп населения и аккумулировать их в социально-политические и экономические программы, организационно возглавлять процессы политической борьбы. Партии, как правило, являются активными и эффективными «игроками» на поле выборов, готовят в своих рядах кандидатов, создают коалиции, обеспечивают политическую и технологическую поддержку избирательной кампании.

В классическом понимании политическая партия – это определенная группа единомышленников, артикулирующая интересы широких слоев населения, участвующая в избирательном процессе, соревнующаяся за политическую власть. Е.Ю. Мелешкина отмечает, что на первоначальном этапе развития партии служили скорее инструментом «политического предприятия», обеспечивающим конкуренцию элитных группировок в борьбе за власть, т.е. выполняли задачу, не связанную с функционированием демократического режима [6, с. 139]. Лишь постепенно с развитием институтов и практик современной демократии, с омассовлением политики политические партии начинают играть

---

¹ Паликова Анна Михайловна – ассистент кафедры социологии Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского, соискатель ИНИОН РАН. Эл. почта: Palikova_AM@mail.ru

одну из важных ролей в обеспечении демократического характера политической власти.

В России массовое партийное строительство началось в 1990 г. после изъятия из Конституции СССР шестой статьи (о руководящей и направляющей роли КПСС). Но по-настоящему важную роль партии на политической сцене России стали играть, начиная с 1993 г., когда впервые в российский избирательный закон вошло положение о пропорциональной системе выборов, что инициировало взрыв партийного строительства. К началу выборов 1995 г. в Государственную Думу на федеральном уровне в России было зарегистрировано уже более семисот партий и избирательных объединений, имеющих юридическое право участвовать в выборах [4, с. 83].

В 1997 г. в избирательное законодательство было внесено уточнение, согласно которому в выборах могут участвовать только общественные объединения, чей политический характер оговорен в их уставе. Но это не могло кардинально изменить ситуацию, поскольку такая запись в уставе все равно ни к чему не обязывала. После избрания Владимира Путина Президентом РФ задача законодательного определения статуса политических партий была поставлена как одна из ключевых. При этом было признано решать вопросы реформирования партийной системы в комплексе с изменениями избирательного законодательства. В результате разработка закона о партиях была возложена на Центризбирком. Всеобщая заинтересованность в создании закона о политических партиях проявилась в том, что одновременно разрабатывалось несколько проектов: в Центризбиркоме, в думском комитете по делам общественных объединений и религиозных организаций, в Независимом институте выборов, а также в ряде партийных структур. В Государственную Думу было внесено пять альтернативных законопроектов: президентский (разработанный в Центризбиркоме с участием представителей думских объединений), депутатов В. Рыжкова, В. Лысенко и В. Игрунова (разработанный в Независимом институте выборов), О. Шеина (фракция КПРФ), В. Похмелкина и С. Юшенкова (фракция «Союз правых сил»), А. Шишлова (фракция «Яблоко»). Большинство голосов был принят президентский законопроект; при его последующей доработке были учтены и некоторые положения альтернативных проектов [2; с. 153].

Наиболее существенными положениями Закона «О политических партиях» [10], вызывавшими критику, были:

- запрет региональных и межрегиональных партий;
- запрет с июля 2003 г. иным, кроме политических партий, общественным объединениям выдвигать кандидатов на федеральных и региональных выборах;
- жесткие требования к численности политической партии (партия должна была иметь не менее 10 тыс. членов и региональные отделения не менее 100 чел.;

– сложный бюрократический порядок регистрации партий (в частности, предусматривались отдельные процедуры регистрации оргкомитета партии, самой партии и ее региональных отделений);

– государственное финансирование партий в зависимости от итогов выборов в Государственную Думу.

После нового Закона о партиях, как отмечают А. Гудков и Б. Дубин, закат эпохи многопартийности стал явным [10, с. 35]. Это было обусловлено не только серьезной эволюцией режима в сторону большей авторитарности, но и глубокими изменениями в общественном мнении. Эти настроения политической индифферентности характерны и для нынешнего состояния массового сознания.

Таким образом, сейчас условия существования и функции политических партий в России достаточно специфичны. В последнее время число партий заметно уменьшилось. Выживают те, которые находятся непосредственно при власти, служат ее опорой, и те прочие, у которых не иссякли ресурсы сопротивляться первым, поскольку они находятся в более привилегированном положении.

В российском случае выбор определения партии представляет особую сложность, мы имеем дело с трансформационным процессом, когда институт партий в начальный период трансформации еще не сложился, а в конце его – с существующим институтом, но в условиях уже недемократических. К тому же принятое законодательство нормативно закрепляет название «партия» только за политическими организациями, соответствующими достаточно жестким правилам, и обязывает их участвовать в выборах. В то же время политические организации, использующие подрывные стратегии, практически делегируются [7, с. 135].

Таким образом, партийная система России находится в достаточно сложном, если не критическом, состоянии.

Б.А. Исаев такое состояние называет кризисом партийной системы и выделяет три проблемы, которые лежат в его основе: структурные, функциональные, общие и специфические [3, с. 124]. Можно отметить наиболее острые проблемы, которые препятствуют нормальному функционированию партий в России: во-первых, возникает трудность при создании партии, так как сказывается излишняя регламентация партийной структуры и партийной организации в соответствии с Законом о партиях; во-вторых, очень жесткие правила регистрации политических партий для участия в избирательных кампаниях; в-третьих, сложные условия функционирования партий, которые создает окружающая партийную систему правовая, политическая, социально-экономическая реальность.

По мнению Б. Макаренко, слабость партийной системы в России надо искать как в «низах», так и в «верхах», т. е., с одной стороны, в неструктурированности общественных интересов, неразвитости гражданского общества и гражданского сознания, а с другой – в суперпрезидентском характере власти [5, с. 43]. Представляется, что наиболее корректным объяснением стала бы попытка синтеза двух типов причин.

Это позволяет сделать вывод, что российская партийная система приходит в состояние застоя.

Особую роль в трансформации политической системы в России играют регионы. Как отмечает О.Б. Подвинцев, очевидное воздействие на конкуренцию между регионами в России оказало произошедшее изменение роли партий [9, с. 248–249]. Проведенная в России партийная реформа, внесшая ряд важнейших изменений как собственно в законодательство о партиях, так и в избирательное право, очевидной целью имела унификацию региональных политических пространств РФ. Демонстрация лояльности, в том числе и в сфере партийного строительства и формирования региональных партийных систем, приобретает для властей и других основных акторов политического процесса в субъектах РФ очень важное значение, поскольку ресурсы и возможности, которые предоставляет федеральный центр, становятся наиболее важными для регионов.

Состояние надвигающегося кризиса партийной системы РФ проявляется не только в том, какие отношения складываются между партией и властью, но и в том, кто состоит в партии, для чего люди вступают в партию, иными словами, ее ценностно-качественная сторона.

В этой связи М.В. Иванова выделила в соответствии с целями и задачами три типа кандидатов-партийцев на региональных выборах [1, с. 112–113]. В первую группу входят люди, представляющие финансово-промышленную сферу, так как за счет их организаций партия обеспечивается финансовыми ресурсами, а также известные люди, например, спортсмены, звезды эстрады, видные общественные деятели, представители административных кругов – действующие и бывшие губернаторы, мэры крупных городов и т.д. Вторую группу представляют партийные лидеры. Это не только те люди, которые занимают посты в региональных отделениях, но и влиятельные общественные деятели, журналисты, ученые. Третий тип включает в себя лиц, которые малоизвестны обществу, но узнаваемы в партии, они малоактивны. Как правило, такие кандидаты являются непроходящими, поскольку почти всегда стоят в конце списка партии. Важно отметить, что в последнее время наблюдается тенденция превалирования первого типа кандидатов. Все чаще в политику приходят непрофессионалы, которые тем не менее пользуются популярностью у населения. Следовательно, качественный и профессиональный уровень партий постепенно снижается.

Также в последнее время партии все меньше уделяют внимания своим программам. Принятие программы партии – это некая формальная процедура. В России практически отсутствуют партии, программы которых хорошо известны обществу. В основном партии ограничиваются программными заявлениями, на встречах с избирателями они озвучивают отдельные части программы. Это тоже является острой проблемой политических партий в России.

Таким образом, подводя итоги, необходимо отметить следующие особенности.

Во-первых, политические партии в России – это некие специфические организации, ориентированные не на избирателя, а на власть предрержащих, стремящиеся быть как можно ближе к органам исполнительной власти и заботящиеся исключительно о своих узких прагматичных интересах. Следовательно, избиратели партиям нужны только в период избирательных кампаний, чтобы формально подтвердить свой статус.

Во-вторых, российская политическая система устроена так, что партии не имеют почти никакого воздействия на формирование исполнительных органов власти, они являются своеобразной опорой власти. Возникает такая закономерность: российский избиратель видит, что партии – это формальные организации, которые не имеют никакой реальной силы, он разочаровывается, следовательно, растёт недоверие к партийным организациям вообще.

В-третьих, существует некое противоречие в политической системе России. Пропорциональная избирательная система выборов в Государственную Думу объективно создает стимулы для развития и роста партий, но президентско-парламентская форма правления с сильным перевесом президентской власти препятствует развитию партийной системы, поскольку российский парламент имеет довольно узкие полномочия, а партии, представленные в нем, не только не могут влиять на состав Правительства, но и, как показывает практика, не являются главными акторами в борьбе за пост президента.

Что же будет с партийной системой в России в ближайшие годы?

Б. Макаренко полагает, что партийная система в России следующего четырехлетия будет подвергаться воздействию разнонаправленных сигналов и стимулов [5, с. 56–57]. С одной стороны, инерция прошедших полутора десятилетий, и стремление минимизировать конфликты в «верхах» будут побуждать следующего президента сохранять ставку на контролируемую систему, в которой партии не играют большой роли, повинуются воздействию жесткого законодательства и бюрократическим командам, а «Единая Россия» остается гегемоном. С другой стороны, проявятся некоторые объективные предпосылки для расширения партийного плюрализма: возникновение хотя бы ограниченного по силе противовеса в лице «Справедливой России», а также некоторое ослабление моноцентризма режима. К тому же объективно в интересах

Кремля придать больший динамизм и публичность работе Государственной Думы, например, отказаться от регламента, над которым довлеет абсолютное доминирование одной фракции (отменить совмещение постов спикера и лидера большинства, которое редко встречается в мировой практике, оптимизировать структуру комитетов, которая в нынешнем виде решает лишь одну задачу – создание максимального количества начальственных постов). Результат воздействия этих разнонаправленных стимулов непредсказуем, поскольку зависит от слишком многих факторов: экономической конъюнктуры, успеха или неудач социально-экономического курса, характера отношений между элитными группировками, наконец, от личности преемника и его собственных политических устремлений.

Оптимистический сценарий приведет к постепенному расширению партийного плюрализма, росту конкуренции на партийном поле, а со временем – к повышению роли партий и парламента в политической жизни. В результате партийная система станет, разумеется, не двухпартийной (это невозможно при пропорциональной системе выборов), но «двухъядерной». При такой конфигурации «партия власти» будет похожа на доминантную партию зарубежных демократий, а противостоять ей будет одна (или две) «истеблишментные» партии, возможно, левоцентристского и либерального толков. В этих условиях допустимо существование еще двух-трех партий, которые играют роль младших партнеров при формировании ситуативных или долговременных коалиций. Основная черта такой системы – усиление роли партий, что даст возможность конкурирующим элитным и общественным интересам бороться за власть без риска разбалансирования всего политического режима. Пессимистический же сценарий предусматривает стагнацию нынешней ситуации, сохранение монополии одной «партии власти», которое с годами будет становиться все более искусственным, а также бюрократическое ограничение объективно развивающегося плюрализма. Даже в условиях стагнации партии рано или поздно возникнут, но это может произойти в результате нового кризиса легитимности государственного строя, который в случае отказа от своевременных политических реформ как раз и расколется элиту на конкурирующие партии. Однако в России такие кризисы, увы, обычно бывают «бесмысленными и беспощадными».

Что ждет российские политические партии в ближайшие годы? Можно предположить, что существующая партийная система скоро себя изживет и начнет формироваться новая, более гибкая к окружающей реальности, которая сможет саморегулироваться, не входя в конфликт с политической системой в целом. Для того чтобы хоть как-то смягчить последствия разрушения партийной системы, необходимо уже сейчас привлечь общественность к процессам партийного строительства. Необходим диалог между интеллектуальной элитой и партийными представителями.

Библиографический список

1. Иванова М.В. Кандидаты-партийцы на региональных выборах: опыт типологии // Трансформация политической системы России: проблемы и перспективы: Тез. докл. Междунар. науч. конф. М.: Российская ассоциация политической науки, 2007.
2. Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2007.
3. Исаев Б.А. Некоторые проблемы функционирования и трансформации партийной системы в современной России // Трансформация политической системы России: проблемы и перспективы: Тез. докл. Междунар. науч. конф. М.: Российская ассоциация политической науки, 2007.
4. Кудинов О.П. Большая книга выборов: Как проводятся выборы в России. М.: Арт Бизнес Центр, 2003.
5. Макаренко Б. «Нанопартийная» система // Pro et Contra. 2007. Июль–октябрь.
6. Мелешкина Е.Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен? // Политическая наука: политические партии и партийные системы в современном мире: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН, 2006.
7. Михалева Г.М. Становление института партий: международная практика и российский опыт // «Новая Россия»: проблема доверия в современном российском политическом сообществе: Сб. науч. ст.: В 4 ч. М.: РГГУ, 2007. Ч. 3.
8. О политических партиях: Федеральный закон № 95-ФЗ от 11.07.2001 (ред. от 12.07.2006) // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=61480>
9. Подвинцев О.Б. Трансформация политической системы РФ и критерий конкуренции российских регионов на современном этапе // Трансформация политической системы России: проблемы и перспективы: Тез. докл. Междунар. науч. конф. М.: Российская ассоциация политической науки, 2007.
10. Пути российского посткоммунизма: Очерки / Под ред. М. Липман и А. Рябова. М.: Изд-во Р. Элинина, 2007.

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭНДАУМЕНТ-ФОНДОВ В РОССИИ И США

.....

М.В. Власенко¹

Изменение механизмов финансирования и сокращение объема бюджетных ассигнований высшим учебным заведениям в России ставит перед ними задачу поиска альтернативных источников получения дохода для осуществления своей деятельности. Одним из наиболее эффективных инструментов привлечения средств в сферу образования, повышающих одновременно экономическую заинтересованность работодателей в инвестировании средств в профессиональное образование, является система финансирования за счет ежегодных доходов, получаемых от размещения государственных и частных средств без права использования самих средств. В западной практике она получила название эндаумент (от англ. *endowment* – вклад, дар, пожертвование).

В зарубежной литературе встречается несколько определений этого термина – *endowment* (эндаумент), *endowment fund* (эндаумент-фонд) и *financial endowment* (финансовый эндаумент), которые чаще всего используются как синонимы и означают передачу денежных средств или любого другого имущества в дар организации, отдельному лицу или группе лиц для использования в качестве источника доходов. Полученные доходы направляются на определенные, как правило, общественно значимые цели (поддержание функционирования больниц, библиотек, университетов, колледжей, благотворительных организаций и т.д.).

Эндаументы получили широкое распространение в США на рубеже XIX и XX вв. Это было связано с желанием богатых людей, сделавших себе капиталы во время эпохи первоначального накопления капитала в США, приобрести респектабельность и уважение со стороны общества, оставить след в истории. Все это

¹ Власенко Маргарита Вячеславовна – аспирант кафедры государственной политики и государственного управления факультета управления и психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: vlasrita@mail.ru.

привело к формированию густой сети фондов и ассоциаций, которые постепенно создавали мощную, параллельную государственной системе финансирования социальной сферы, а позднее и институтов гражданского общества. Однако до 1972 г., несмотря на развитие системы благотворительных организаций, такого вида благотворительных фондов, как эндаументы, на законодательном уровне в США не существовало. Лишь в 1972 г. был одобрен Унифицированный закон об институциональных фондах. Принятие данного закона было связано с тем, что до этого времени существовала неопределенность относительно стандартов, которыми руководствовались менеджеры благотворительных организаций при создании системы управления и инвестирования средств из фондов благотворительных организаций.

В США эндаументы создавались прежде всего для поддержки высших учебных заведений. Именно в этой сфере накоплен наибольший опыт их деятельности и самые большие средства. Основной капитал эндаумента Гарвардского университета составляет более 25 млрд дол., Йельского – 15 млрд дол., Принстонского и Стэнфордского – более 10 млрд дол. Эти эндаументы ежегодно приносят своим вузам от 260 до 550 млн дол. прибыли.

Формирование эндаумент-фондов в сфере высшего образования происходит таким образом, чтобы американские университеты работали, как и корпорации, с капиталом, но без акционеров. Например, капитал упомянутого эндаумент-фонда Гарвардского университета сформирован за счет различных подарков, вкладов доноров, включая земли, недвижимость, ценные бумаги, денежные средства и т.д. Изначально сам Джон Гарвард подарил Гарвардскому университету существенную денежную сумму, но свой первый взнос эндаумент-фонд получил в качестве земельного участка от выпускников университета в 1649 г.

В университете Чикаго эндаумент-фонд берет свое начало от вклада Рокфеллера. Университет Стэнфорда был основан железнодорожным магнатом, который подарил университету 3 тыс. га земли. Однако наибольшую долю в формировании и постоянном пополнении эндаумент-фондов университетов в США занимают именно взносы и дары выпускников. Подобное явление можно объяснить желанием выпускников отблагодарить *Alma mater*.

В то же время деятельность эндаумент-фондов сопряжена с рядом проблем. Так, управляющих часто критикуют за реинвестирование слишком значительных сумм от доходов эндаументов. Обычно американские эндаумент-фонды показывают доходность в среднем 10–11 % ежегодно, 5 % из которых, как правило, направляется на те цели, ради которых фонд и создавался. Около 3 % реинвестируемых сумм используется для защиты средств эндаументов от обесценивания, вызванного инфляцией. Оставшиеся 2 % составляют ежегодный прирост средств фонда. Критики считают, что если бы эти средства (2 %) тратились на текущее финансирование, то плата за обучение могла бы быть снижена на порядок.

Российская история также знает примеры успешного функционирования фондов, по структуре являвшихся прообразами современных эндаументов. В 2007 г. исполнилось 100 лет с того момента, когда одним из наиболее богатых промышленников России вологодским купцом Х.С. Леденцовым по завещанию был оставлен так называемый неприкосновенный капитал. На цели поддержки отечественной науки им были сделаны два взноса: первый – прижизненный в размере 100 тыс. р. золотом в фонд Императорского Московского университета; второй – около 1 881 тыс. р. золотом был передан по завещанию купца. Процентный доход от неприкосновенного капитала составлял от 100 до 200 тыс. р. в год.

Согласно завещанию Х.С. Леденцова все его движимое и недвижимое имущество реализовывалось, и на эти средства покупались государственные или гарантированные правительством процентные бумаги. Данные ценные бумаги и составили особый неприкосновенный капитал «имени Х.С. Леденцова», который поступил в собственность Императорского Московского университета и Императорского Московского технического училища. Доход с этого капитала, за исключением незначительной доли, предназначенной на другие цели, направлялся в учреждаемое при этих высших учебных заведениях Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений.

По замыслу Х.С. Леденцова материальные средства Общества должны были впоследствии пополняться за счет различных пожертвований и процентов с доходов, получаемых от реализации изобретений, приспособлений и других мероприятий, в которых принимало участие Общество. Но весь капитал, завещанный Обществу, до конца реализовать и использовать не удалось. Оно было закрыто в 1918 г. Однако, по мнению современных ученых, это была первая в мире подобная структура – негосударственное, независимое научное общественное объединение экспертов, руководствовавшееся интересами национальной экономики, народного хозяйства и опиравшееся на принципы актуальности изобретений и их социальной значимости.

В современной российской практике эндаумент как инструмент инвестирования стал использоваться после принятия Федерального закона «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» [2]. С 2007 г. в России началась активная работа по созданию первых фондов целевого (ресурсного) капитала. На сегодняшний день в стране насчитывается около 20 эндаумент-фондов, в основном в сфере образования и культуры. Рассмотрим их подробнее.

1. Фонд Московского государственного института международных отношений. Учредителями фонда выступили Ассоциация выпускников МГИМО, его ректор А. Торкунов и президент компании «Интеррос», член Бюро правления РСПП В. Потанин. Выпускники МГИМО В. Потанин и А. Усманов положили начало формированию эндаумента этого вуза. Возглавляет попечительский со-

вет фонда министр иностранных дел РФ С. Лавров. В состав попечительского совета входят 23 человека. Фонд развития МГИМО – один из первых в России фондов с целевым капиталом.

2. Московская школа управления «Сколково». Учредителем фонда целевого капитала выступает сама школа, т. е. некоммерческое партнерство «Московская школа управления». Первый взнос в эндаумент-фонд осуществила аудиторско-консалтинговая фирма PricewaterhouseCoopers. Финансовыми партнерами стали ВТБ Управление активами и УК Банка Москвы, выигравшие конкурс на доверительное управление активами фонда целевого капитала школы.

Средства эндаумент-фонда «Сколково» будут использоваться для разработки и проведения образовательных и исследовательских программ школы, организации круглых столов и конференций, финансирования стипендий и грантов для студентов. В среднесрочной перспективе в фонде целевого капитала «Сколково» планируется аккумулировать около 100 млн дол. США.

3. Фонд целевого развития капитала Сибирского федерального университета. Он призван способствовать развитию образовательной деятельности самого крупного в регионе университета, усилению материальной и научной базы вуза. Средства фонда в первую очередь пойдут на поддержку кадров, студенческие стипендии, пособия для молодых преподавателей, а также другие направления деятельности университета, в том числе и развитие спорта.

4. Фонд целевого капитала «Образование и наука ЮФО». Инициатором и одним из учредителей фонда выступил банк «Центринвест». Целевой капитал фонда сформирован из средств его учредителей. «Центринвест» вложил 30 млн р., еще 4,5 млн поступили от частных лиц. Целевой капитал фонда направлен в управляющую компанию, которая должна будет обеспечить годовую доходность от управления переданными ей средствами не менее 10 %. В соответствии с новым законодательством и Уставом Фонда средства целевого капитала «Образование и наука ЮФО» используются для получения дохода, направляемого на следующие цели:

- поддержка студентов и аспирантов (не старше 25 лет), обучающихся в вузах Юга России, проявивших творческие способности и достигших существенных результатов в учебе, – 30–50 %;
- поощрение лучших преподавателей вузов Юга России – 10–20 %;
- поощрение молодых ученых Юга России – 10–20 %;
- компенсация расходов студентов, аспирантов, преподавателей и ученых на участие в международных конференциях, олимпиадах, конкурсах – 20–30%.

Другие фонды, относящиеся к сфере образования, находятся пока в стадии формирования целевого капитала [4].

Главная новация нового инструмента – освобождение от налогообложения взносов в эндаумент, доходов от инвестирования средств фонда и средств, по-

лучаемых из эндаумента целевыми учреждениями. Однако сама коммерческая организация-жертвователь не получает при этом никаких налоговых льгот. Комментируя данное положение Федерального закона «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций», Президент России Д. Медведев отметил: «Очевидно, что этот вопрос был самым центральным – давать ли льготы жертвователям. Понятно, что наибольший набор опасностей как раз связан с этими самыми льготами, почему и удалось договориться, что у жертвователей нет льгот. Но понятно, что это вопрос правовой культуры, вопрос будущего. Я надеюсь, что мы доживем до времени, когда сможем уже без опасности каких-то фундаментальных опасений за то, что мы расшатываем основы нашей налоговой системы, такого рода льготы для жертвователей и для самих доноров предусмотреть» [3].

Закон предусматривает и механизм контроля над использованием пожертвованных средств. Он реализуется через Совет по использованию целевого капитала, который формируется как орган, либо специализированная организация, являющаяся собственником целевого капитала, и состоит из представителей фирм-доноров, организаций-получателей средств и представителей общественности.

Таким образом, рассматриваемый закон в значительной мере снимает два главных препятствия на пути развития массовой благотворительности в России: двойное налогообложение жертвователя и бесконтрольность в использовании пожертвованных средств.

Согласно общей схеме формирования фонда целевого капитала жертвователи передают в собственность некоммерческой организации на формирование фонда оговоренную в законе сумму денежных средств. Некоммерческая организация размещает эти средства (используя услуги управляющих компаний) в ценные бумаги, акции, депозиты (перечень инвестиционных инструментов также определен законом). Прибыль от инвестирования средств не облагается налогами и идет на социальные цели. Другими словами, фонд целевого капитала – это разновидность гранта, который предоставляется на четко определенных условиях.

Эндаументы обеспечивают повышение финансовой самостоятельности некоммерческих организаций в результате увеличения доли гарантированного дохода в общем объеме доходов. Однако существует опасность, что благоприятный налоговый режим создаст условия для использования схем по уходу от налогов с помощью организаций – собственников ресурсного капитала. Поэтому требуется введение для них определенных ограничений, дабы устранить риск злоупотреблений. Для этого вводится промежуточная ступень: Фонд управления ресурсным капиталом, который заключает договор с благотворителем, с одной стороны, и с управляющей компанией – с другой. Управляющей компании, которая выбирается на конкурсной основе, поручается инвестировать ресурс-

ный капитал с целью получения максимального дохода. Далее доход передается некоммерческой организации. Фонд управления ресурсным капиталом освобождается от уплаты налога на прибыль, а некоммерческая организация – получатель средств имеет право не включать в базу налога на прибыль доходы от инвестирования ресурсного капитала.

Несмотря на то что разработчики законопроекта о целевом капитале опирались на западный опыт создания и функционирования эндаументов, целесообразно дать сравнительную характеристику порядка формирования и использования целевого капитала в России и США (где сеть эндаументов наиболее развита) [5]. Основные различия представлены в таблице.

Таким образом, привлечение средств через систему эндаумента в зарубежных странах позволяет некоммерческим организациям получать дополнительные финансовые ресурсы на длительной основе и формировать перспективы долгосрочного планирования своей деятельности. Однако в России аккумуляция средств в эндаумент-фондах сталкивается с рядом серьезных трудностей. Первые связаны с получателями дохода от целевого капитала.

Как отметили своих интервью многие руководители ведущих учреждений образования и культуры (особенно имеющие мощную финансовую поддержку в виде грантов и спонсорских средств, получаемых на безвозвратной основе), они не хотят тратить время на создание специального юридического лица, открытие счетов и поиск управляющей компании.

Эндаумент-фонды в России и США

Показатели	Россия	США
Определение понятия «эндаумент-фонды»	Целевой капитал – сформированная за счет пожертвований, внесенных жертвователем в виде денежных средств, часть имущества некоммерческой организации (НК), переданная некоммерческой организацией в доверительное управление управляющей компании для получения дохода, используемого для финансирования уставной деятельности НК	Эндаумент – это предоставление в дар какой-либо некоммерческой организации денежных средств или имущества при условии, что эти средства или имущество будут затем инвестированы, причем основная сумма дара будет сохраняться в изначальном объеме
Формы инвестирования средств в эндаументы	Только денежные средства	Денежные средства, ценные бумаги, недвижимость и другие активы
Минимальный размер фонда целевого капитала	3 млн р.	25 тыс. дол.

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ...

Минимальный срок функционирования эндаумента	10 лет	Не оговаривается
Использование собственных средств организации для формирования целевого капитала	Запрещено	Разрешено
Виды фондов целевого капитала	Эндаумент-фонды (средства, получаемые от внешних доноров при условии, что основная сумма дара должна сохраняться и не может быть потрачена)	1. Эндаумент-фонды 2. Целевые эндаумент-фонды (вся сумма или часть суммы дара может быть использована после указанного периода времени или в случае возникновения конкретного события) 3. Квазиэндаументы – фонды университета, а не донорские средства или средства какой-либо внешней стороны, которые вуз решил использовать в качестве постоянного капитала
Предоставление эндаумент-грантов государственной структуре, финансируемой из бюджета	Не оговаривается	Допускается
Срок предоставления отчетности	Ежегодно с момента формирования фонда	В течение 3 лет с момента формирования фонда (далее – не обязательно)
Санкции за нецелевое использование средств	Расформирование целевого капитала	Средства эндаументов могут быть включены в налогооблагаемую базу донора (в том числе выставлены штрафные налоговые санкции)
Условия получения средств эндаумент-фонда	Не предусмотрены	1. Оценка системы менеджмента организации–получателя гранта 2. Заявление на получение гранта с приложением маркетингового плана
Органы управления эндаумент-фондом	Совет по использованию целевого капитала	Совет директоров или попечительский совет, комиссия по инвестициям
Условие передачи целевого капитала управляющей компании	Обязательно	Возможно, но не обязательно

Другой проблемой является низкий уровень системы менеджмента потенциальных получателей, которые должны разрабатывать стратегические направления деятельности своих учреждений с целью наиболее рационального использования доходов от целевого капитала, находящегося в их распоряжении.

Для жертвователей ситуация также весьма спорна с точки зрения отдачи от капитала, являющейся целью любого бизнес-проекта (в том числе и в форме благотворительности). Как отмечалось ранее, налоговые льготы для организаций, занимающихся формированием эндаументов, не предусмотрены. Таким образом, пакет законов о целевом капитале и соответствующие изменения в налоговое законодательство не обеспечивают мер по дополнительному экономическому стимулированию жертвователей. Кроме того, перечень целей формирования целевого капитала и реализации дохода от его использования является закрытым, что сдерживает появление благотворителей, чьи интересы лежат за пределами сфер, указанных в упомянутом перечне.

Тем не менее уже на стадии формирования фондов целевого капитала в России эндаумент-фонды зарекомендовали себя как весьма перспективный инструмент укрепления финансовой базы организаций – получателей дохода от использования целевого капитала. Таким образом, начата реализация основной идеи закона о целевом капитале – обеспечение комплексного подхода к регулированию процесса формирования и использования некоммерческими организациями имущества, которое может служить источником стабильного дохода указанных организаций, необходимого для обеспечения их уставной деятельности.

Библиографический список

1. Ненахова Е.С. Эндаумент-фонды (endowment funds): анализ зарубежной практики и концепция российского эндаумента // http://www.mirkin.ru/_docs/endNen.pdf
2. О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций: Федеральный закон № 275-ФЗ от 30. 12. 2006 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Рубченко М. Хрупкий благотворительный баланс // <http://www.expert.ru>
4. Тхорова К. Эндаумент-фонды? Это фонды целевого капитала // <http://www.pravda.ru>
5. Эндаумент (endowment) как форма финансовой поддержки некоммерческих организаций // <http://www.rspp.ru>

КАУЗАЛЬНАЯ АТРИБУЦИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ФЕНОМЕНА

.....

В.Э. Семёнова¹

Перешагнув границу третьего тысячелетия, человечество помимо радужных надежд на встречу со светлым будущим захватило с собой в качестве своеобразного наследства массу нерешенных проблем, требующих своего переосмысления с учетом новых условий и специфических угроз. К таким животрепещущим, «вечным» темам, вызывающим к современникам, не дающим возможность расслабиться, необходимо отнести преступность.

Социально-экономические преобразования российского общества, становление новой государственности, фундаментальное обновление законодательства, проводимая в стране судебная реформа, направленная на усиление защиты прав и свобод граждан, объявляемые в качестве основных приоритетов открытого демократического общества, делом чести которого декларируется освобождение от любых форм дискриминации, по-новому означили такое социальное явление, как преступность. Переопределение данного понятия с учетом новых социальных условий, постижение его сущности, механизмов функционирования, а также его стереотипного восприятия широкими слоями населения становится необходимым шагом, предваряющим разработку стратегии и тактики нивелирования данного негативного явления.

В этой связи особую значимость могут иметь исследования, посвященные изучению такого социально-психологического феномена, как каузальная атрибуция преступности, позволяющие выявить субъективную интерпретацию людьми причин существования данного явления в условиях недостаточнос-

---

¹ Семёнова Вера Эдуардовна – кандидат философских наук, заместитель декана факультета психологии Нижегородского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Эл. почта: psychology@nfmgei.ru

В сборе эмпирических данных, использованных при создании данной статьи, принимали участие студенты факультета психологии НФ МГЭИ.

ти информации об этих причинах. Важность изученных в результате этого данных может быть обусловлена тем фактом, что приписываемая человеком причина «имеет важные последствия для его собственного поведения, так как “значение” события и его реакция на него детерминированы в большой степени приписанной причиной» [1, с. 69–70].

Люди в своих обыденных поступках не просто наблюдают явления, но анализируют их с целью осмысления сути происходящего. Они стремятся прежде всего понять причины поведения другого человека, и если не хватает информации относительно этих причин, то люди их приписывают. Обычно приписываются стабильные, распространенные, достаточно типичные причины. Ф. Хайдер выделил несколько типов подобных причин, к которым отнес личностные (причина приписывается действию субъекта) и причины, коренящиеся в среде (причины, приписываемые обстоятельствам) [1].

Атрибуция может быть связана с процессом объяснения человеком окружающего мира с научных и обыденных позиций. В научном объяснении сначала получается знание, а затем оно накладывается на действительность. Обыденное объяснение, напротив, целиком субъектно, поскольку познание и объяснение осуществляется конкретным субъектом, находящимся в общении с Другим. Таким образом, в процесс объяснения привносится вся совокупность отношений субъектов. Кроме того, в обыденном объяснении знание немедленно схватывает значение и высвечивает смысл. Поэтому каузальная атрибуция, имеющая дело с обыденным объяснением, представляет собой переход от социального восприятия к социальному познанию, существующему в форме субъективной интерпретации [1].

Такая значимая субъективная информация, во многом определяющая реальное поведение субъектов, может быть описана в качестве социально-психологической составляющей феномена преступности, которая обуславливает степень и меру воздействия на него различных мероприятий, направленных на его искоренение, а также влияет на метаморфозы генезиса самого описываемого явления.

Актуальность обозначенного вопроса побудила нас провести собственное исследование каузальной атрибуции преступности современного российского общества, в ходе которого мы планировали провести опрос и осуществить качественную интерпретацию полученных данных с применением гендерного анализа. Респондентам предстояло ответить на два открытых вопроса:

1. С чем Вы связываете наличие преступности в современной России? Расскажите, что Вы об этом думаете?
2. Кто, с Вашей точки зрения, чаще всего становится преступником? По каким причинам?

Исследование проводилось с января по июнь 2007 г. в Нижнем Новгороде и Нижегородской области. В качестве испытуемых в нем выступили 171 женщина и 171 мужчина возрастной категории от 16 до 75 лет, образовательный уровень которых варьировался от полного (общего) среднего до высшего образования.

Полученные в ходе опроса ответы на вопросы были записаны, а затем на основе качественного анализа отнесены к конкретным смысловым категориям. Рассмотрим более подробно полученные результаты.

В процессе анализа ответов женщин и мужчин на первый вопрос о причинах преступности в современной России было выделено 9 категорий: «социально-экономическая ситуация», «власть», «финансовая депривация», «воспитание», «аддикции», «нормативно-правовая база», «СМИ», «особенности психики», «наследственность». Сложившиеся у женщин и мужчин представления о причинах преступности были отнесены ко всем указанным смысловым категориям, степень значимости которых для каждой из гендерных групп нашла свое отражение в табл. 1.

Таблица 1

Особенности представлений испытуемых о возможных причинах наличия преступности в современной России, %

Категории	Женщины		Мужчины		Ф
	Кол-во	%	Кол-во	%	
Социально-экономическая ситуация	88	19,5	99	21,9	0,89
Власть	40	8,8	66	14,6	2,73 (p≤0,01)
Финансовая депривация	52	11,5	57	12,6	0,51
Воспитание	119	26,3	84	18,6	2,78 (p≤0,01)
Аdditкции	39	8,6	42	9,3	0,38
Нормативно-правовая база	37	8,2	48	10,6	1,23
СМИ	45	10	28	6,2	2,12 (p≤0,01)
Особенности психики	27	6	20	4,4	1,08
Наследственность	5	1,1	8	1,8	0,89
Всего	452	100	452	100	

Как видно из табл.1, наиболее значимыми для женщин оказались такие категории, как «воспитание» (26,3 %), «социально-экономическая ситуация» (19,5 %) и «финансовая депривация» (11,5 %), меньше всего упоминаний относилось к категориям «наследственность» (1,1 %), «особенности психики» (6 %)

и «нормативно-правовая база» (8,2 %). К средним по значению были отнесены категории «аддикции» (8,6 %), «власть» (8,8 %), «СМИ» (10 %).

Что касается ведущей позиции категории воспитания, то подобного рода факт, с нашей точки зрения, вполне согласуется с существующим в обществе традиционным разделением на социальную / мужскую и приватную / женскую сферы [3; 4]. В соответствии с подобной идеологией в процессе гендерной социализации за женщинами закреплялись роли хранительницы домашнего очага и естественной воспитательницы подрастающего поколения. Таким образом, женщины были обречены единолично отвечать не только за физическое, но и моральное здоровье нации. Длительная культурная практика выполнения представительницами женского пола экспрессивных функций наложила несомненный отпечаток на их убеждения, согласно которым (в нашем случае) как наиболее значимая маркируется та часть действительности, в которой они выступают в виде более или менее самостоятельных субъектов. Относительная независимость женщин в деятельности воспитания обусловлена тем фактом, что они испытывают на себе давление легитимной сексистской идеологии, усвоенные ценности которой некритично транслируют подрастающему поколению, становясь при этом активными акторами дискриминационной политики и практики.

Таким образом, специфически сконструированная социальная компетентность обуславливает маркирование женщинами воспитания в качестве наиболее определяющей причины возникновения преступности. Они полагают, что просчеты и промахи воспитания обуславливают искажение личностной сферы людей, становящихся активными субъектами преступных деяний, тем самым признавая высокую степень собственной ответственности за происходящее в обществе.

В то же время нерационально отрицать тот факт, что особенности любой системы воспитания, несомненно, взаимосвязаны с ведущей идеологией, определяемой социально-экономической ситуацией. Эта позиция находит свое отражение и в результатах нашего исследования. Женщины выделили категорию «социально-экономическая ситуация» как одну из наиболее значимых (19,5 %). Ими отмечалось, что особый разгул преступности стал наблюдаться после начала реформирования нашего государства, которое сопровождалось ростом безработицы, снижением роста производства, расслоением населения и резким падением уровня жизни большинства граждан. Бедственное положение страны, с трудом пытающейся удержаться на плаву в пучине экономических преобразований, с точки зрения испытуемых из числа опрошенных женщин, в большинстве своем подталкивает людей, лишенных государственной поддержки, на преступный путь. Самостоятельно пытаюсь выжить, люди «хватаются за последнюю соломинку», чтобы хоть как-то выровнять свое шаткое положение.

Представляют интерес для анализа высказывания женщин, отнесенные нами к категории финансовой депривации и занимающие третье место по частоте упоминаний. Подобные результаты могут быть проинтерпретированы в связи с особым местом, которое занимают деньги в сознании современного человека. На сегодняшний день они обрели абсолютную самоценность [7], позиционируются в качестве эквивалента счастья. Современная западная культура наделяет деньги сакральным смыслом, превращает в условие самореализации и самораскрытия личности. Деньги маркируются в виде основного средства духовного познания и роста, а также социально-психологического благополучия, посредством которого человек успешно вписывается в навязываемые каноны деньговорота. Поэтому вполне очевидна столь высокая роль денег, которую отводили испытуемые женщины из нашей выборки в плане существования преступности. Недостаток финансов, ощущаемый людьми, воспринимался как достаточный повод для трансформации добропорядочного (ой) гражданина (ки) в правонарушителя. Деконструкция современного смысла понятия денег делает подобную позицию абсолютно прозрачной, доступной для понимания.

Анализируя приписываемые женщинами причины существования преступности, необходимо констатировать отсутствие достаточного внимания к категориям «наследственность» (1,1 %), «особенности психики» (6 %) и «нормативно-правовая база» (8,2 %). Фактическое игнорирование наследственного фактора может объясняться высокой оценкой роли воспитания и морали, способных оградить человека от правонарушений даже в самых тяжелых жизненных ситуациях. Схожее объяснение может быть отнесено и к категории особенностей психики.

Традиционная ориентированность женщин на частную сферу, их перегруженность внутрисемейными проблемами, связанными с вопросами взаимоотношений, воспитания и здоровья, вероятно, отчасти объясняют отсутствие достаточной правовой грамотности представительниц женского пола, что во многом, с нашей точки зрения, обусловило отсутствие объективной оценки существующего в России законодательства и его роли в правоприменительной деятельности.

На среднем уровне значимости для испытуемых женщин находились причины, относимые к категориям «СМИ» (10 %), «власть» (8,8 %) и «аддикции» (8,6 %). Указанные понятия интерпретировались представительницами женского пола как оказывающие несомненное влияние на возникновение преступности, однако действующие в виде вспомогательных, дополнительных факторов, усугубляющих отсутствие должного воспитания, наличие тяжелой социально-экономической ситуации и финансовой депривации.

Завершив краткий анализ приписываемых опрошенными нами женщинами причин современной преступности, остановимся на высказанных по этому

поводу суждениях мужчин. В числе наиболее значимых явлений нами зафиксированы социально-экономическая ситуация (21,9 %), воспитание (18,6 %) и власть (14,6 %). Как видно из полученных данных, представленных в табл. 1, первопричиной разгула преступности в стране мужская часть выборки видела в происходящих экономико-политических преобразованиях, результатом которых стало состояние общественной нестабильности и растерянности, с одной стороны, и вседозволенности – с другой.

Мужчина, 25 лет, неоконченное высшее образование, рабочий: *«В нашем обществе разделились люди на богатых и бедных. Человек чувствует себя угнетенным (бедный), из-за этого неравенства происходят некоторые преступления».*

Мужчина, 42 года, высшее образование, служащий: *«Самая основная причина наличия преступности в современной России – это нестабильная социально-экономическая ситуация. Отсутствие в стране социальной защищенности граждан порождает преступность».*

Второй по значимости причиной мужчины определяли воспитание (18,6%). Об этом однозначно свидетельствуют следующие высказывания опрошенных.

Мужчина, 27 лет, высшее образование, служащий: *«В период зарождения демократии (90-е годы) воспитанием подрастающего поколения практически никто не занимался, молодежь была предоставлена самой себе. Лишь единицы сумели преодолеть этот путь становления, получили образование, нашли хорошую работу, начали свое дело. Те же, кто не смог найти себя в современной России, не нашли другого выхода, как заняться преступным ремеслом».*

Мужчина, 32 года, среднее специальное образование, сотрудник внутренних органов, связывает преступность с воспитанием детей в школе.

Мужчина, 35 лет, высшее образование, юрист, причину видит в *кризисе моральных ценностей.*

Мужчина, 48 лет, высшее образование, служащий, считает причиной преступности *низкий уровень образования, культуры людей, духовности.*

Из приведенных примеров становится ясной вся значимость духовных ценностей, которые необходимо транслировать человеку с детства, активно развивать нравственную сферу личности.

Следует отметить, что мужчины, осознавая важность воспитания для общественного процесса (второе место), в отличие от женщин (первое место среди категорий), рассуждали о нем в некоторой степени отстраненно. Дело в том, что мужчины, будучи традиционными участниками социальной сферы, в меньшей степени склонны рассматривать воспитание как поле собственной ответственности, перекладывая ее в большей степени на социальные институты (государство, школа), что непосредственно видно из их высказываний.

Опрашиваемые женщины, рассуждая о воспитании, морали и нравственных ценностях, напротив, демонстрировали взгляд «изнутри», личную сопричастность происходившему. Показательны в этом отношении следующие заявления.

Женщина, 50 лет, высшее образование, кассир: «Родители мало времени уделяют воспитанию детей, большую часть своего времени родители заняты зарабатыванием денег».

Женщина, 50 лет, среднее специальное образование, медицинский работник: «К сожалению, у родителей все меньше времени уходит на воспитание детей, так как, чтобы обеспечить семью всем необходимым, они вынуждены много работать. То есть пример поведения добросовестных родителей уже практически не является элементом воспитания».

Подобного рода достоверные различия относительно воспитания, зафиксированные в пользу женщин ($\varphi = 2,78$ ($p \leq 0,01$)), еще раз свидетельствуют о жестко маркированной по параметру пола гендерной социализации, обуславливающей специфику и своеобразие личностного становления социального субъекта, отличающегося особой системой взглядов и представлений, а также моделью поведения.

Третье место по степени значимости для мужчин занимали причины, отнесенные нами к категории власти (14,6 %), под которой опрашиваемые, вероятно, понимали как государство в целом, так и представителей законодательной и исполнительной власти. Особо подчеркивалась их неудовлетворительная работа, а подчас и просто бездействие, отягощенное коррупцией. Власть как основной атрибут мужественности означает в качестве доминирующей силы, способствующей перераспределению материальных ресурсов и благ, а также определяющей траекторию морально-нравственного развития общества [5]. Возможность обладать столь чудодейственным средством, способным управлять социальными процессами, воспринималась испытуемыми в качестве вполне достаточной для того, чтобы сделать жизнь людей гораздо лучше. Реальная оценка происходящего свидетельствует о нежелании власть имущих использовать данную силу в благих целях, что и вызывало оправданное негодование опрошенных мужчин.

Мужчина, 40 лет, среднее техническое образование, служащий: «Позиция государства показывает, что оно не заинтересовано в уменьшении преступности».

Мужчина, 31 год, высшее образование, служащий: «Халатное отношение со стороны государства, например, правосудие – прав тот, у кого больше денег, или милиция, ей все равно где и что происходит, от которой самим нужно в первую очередь защищаться».

Кроме того, нами был зафиксирован особый приоритет, отводимый мужчинами в вопросах правопорядка, власти, что подтверждается достоверными различиями ($\varphi = 2,73$ ($p \leq 0,01$)).

Как и в случае с женской частью испытуемых, в качестве наименее существенных причин преступности мужчины определили наследственность (1,8 %) и особенности психики (4,4 %). В то же время на третью позицию менее значимых причин мужчины поставили СМИ (6,2 %) (в первую очередь телевидение). По данному параметру были зафиксированы достоверно значимые различия в пользу женщин ($\varphi = 2,73$ ($p \leq 0,01$)), которые называли СМИ гораздо чаще, нежели мужчины (у женщин СМИ на среднем уровне значимости). Подобного рода факт, с нашей точки зрения, может быть связан со спецификой индивидов, представленных в мужской выборке. Большинство опрошиваемых мужчин составили испытуемые трудоспособного возраста, активно строящие свою профессиональную карьеру, в связи с чем, вероятно, меньше времени уделяющие просмотру продукции, навязываемой современными масс-медиа.

В качестве средних по значимости причин, вызывающих рост преступлений в стране, мужчины называли финансовую депривацию (12,6 %), нормативно-правовую базу (10,6 %) и аддикции (9,3 %). Видимо, ощущение отсутствия достаточного количества денег у населения как повод для совершения преступления для мужчин не так важен, как для женщин (помещали среди наиболее существенных причин). По данным отдельных современных исследователей, наиболее обездоленная с финансовой точки зрения часть населения – это женщины [2]. Именно они являются объектами вертикальной и горизонтальной гендерной дискриминации в сфере экономики [6], что, несомненно, сказывается на уровне их материального благополучия. Кроме того, в современном западном мире во главе домохозяйств стоят женщины, несущие основное финансовое бремя по обеспечению материального и морального благополучия семьи. Имея более реальный доступ к денежным ресурсам, мужчины не склонны считать отсутствие средств к существованию определяющей причиной вступления субъекта на путь правонарушений.

В сегодняшней России степень важности для мужчин нормативно-правовой базы, вероятно, может быть объяснена тем, что данная часть опрошенных критически относится к представителям власти, являющимся основными творцами несовершенных законов.

Мужчина, 23 года, незаконченное высшее образование, студент: *«Преступность связываю с законами, существующими больше для бедных».*

Мужчина, 44 года, высшее образование, служащий: *«В России нет органа власти, который сам бы исполнял все законы».*

Что касается аддитивных проявлений (алкоголизм, наркомания, игромания и т.д.), то отсутствие должного внимания к ним со стороны мужчин, по

нашему мнению, может быть объяснено тем, что в культуре нашего народа сформировалось если не положительное, то снисходительное отношение к отдельным «слабостям» (пьянство). В связи с низким уровнем психологической грамотности и неразвитостью психологической помощи населению алкоголь и наркотики в России относятся к числу немногих средств, способствующих снятию стрессов, которым в большей степени оказываются подвержены именно мужчины как заложники более строгих социальных требований к собственной гендерной идентичности и состоятельности. По этой причине среди современных мужчин аддиктов оказывается больше, чем женщин, несущих основную ответственность за семью и детей.

Резюмируя изложенный материал, необходимо отметить, что в ходе качественного анализа высказываний женщин и мужчин на предмет обозначения основных, с их точки зрения, причин существования преступности в современной России нам удалось зафиксировать некоторое качественное своеобразие позиций испытуемых, обусловленное их гендерной принадлежностью. По нашему мнению, гендерная составляющая наряду с такими категориями, как этническая принадлежность, возраст, образовательный уровень и социальный статус, накладывает свой отпечаток на специфику субъективных представлений индивидов о различных социальных явлениях, а следовательно, в некоторой степени может кодировать определенные поведенческие шаблоны.

Вторым этапом нашего исследования был анализ представлений женщин и мужчин относительно предполагаемой личности преступника. С этой целью нами задавался открытый вопрос: «Кто, с Вашей точки зрения, чаще всего становится преступником? По каким причинам?» Итогом опроса стало получение достаточно богатого в содержательном плане фактического материала, нашедшего свое отражение в табл. 2.

Таблица 2

Специфика представлений испытуемых о предполагаемой личности преступника, %

Категории	Женщины		Мужчины		Ф
	Кол-во	%	Кол-во	%	
Дети из неблагополучных семей и социальные сироты	102	29,6	66	19,6	3,04 (p<0,01)
Бывшие правонарушители	8	2,3	6	1,8	0,46
Безработные	10	2,9	25	7,4	2,72 (p<0,01)
Аддикты	43	12,5	57	17	1,65 (p<0,01)
Люди с психическими отклонениями	61	17,7	54	16,2	0,52

Любой человек при неблагоприятных обстоятельствах	21	6,1	20	6	0,05
Несовершеннолетние, молодежь	40	11,6	31	9,3	0,98
Бедные	18	5,2	27	8	1,48
Богатые	7	2	18	5,4	2,41 (p≤0,01)
Представители власти	10	2,9	15	4,5	1,18
Одинокие	0	0	3	0,9	2,47 (p≤0,01)
Дети из благополучных семей	13	3,8	0	0	5,1 (p≤0,01)
Социальные лентяи	10	2,9	12	3,6	0,52
Женщины	2	0,5	0	0	1,85 (p≤0,01)
Мужчины	0	0	1	0,3	1,43
Всего	345	100	336	100	

Как видно из табл.2, единицами анализа выступили 15 категорий. Остановимся на наиболее значимых из них, с точки зрения женщин. Так, по мнению испытуемых женского пола, в первую очередь группу риска составляют дети из неблагополучных семей и социальные сироты (29,6 %), люди с психическими отклонениями (17,7 %), аддикты (12,5 %), несовершеннолетние / молодежь (11,6 %), а также любой человек при неблагоприятных обстоятельствах (6,1 %).

Интерпретируя полученные данные, можно констатировать: факт значимости воспитания, которую продемонстрировали женщины при ответе на первый вопрос, была подтверждена в связи с обозначением в качестве наиболее склонных к совершению правонарушений детей, воспитывающихся в неблагоприятных социальных условиях. Женщины приписывали склонность к преступным деяниям тем лицам, личностное становление которых было отягощено негативным социальным влиянием окружающих их в детстве близких людей.

Приписывание возможности совершения преступления людям с психическими отклонениями выглядит несколько парадоксально, поскольку при первоначальном обозначении причин преступности категория «особенности психики» маркировалась как наименее важная. Одним из объяснений подобного факта, на наш взгляд, может быть нежелание испытуемых повторяться при ответах на вопросы. Аналогичная картина наблюдалась и в случае категории «аддикты».

Принимая во внимание озабоченность испытуемых женского пола отсутствием полноценного воспитательного воздействия на подрастающее поколение

со стороны семьи и государства, которое отягощено неоднозначной социально-экономической ситуацией в обществе, вполне ожидаемыми стали ответы относительно подверженности преступным влияниям несовершеннолетних и молодежи. Кроме того, чувство растерянности, возникшее у людей в связи со сменой идеологического и социально-экономического курса развития страны, обусловило, по нашему мнению, достаточную распространенность позиции, свидетельствующей о том, что в неблагоприятных обстоятельствах преступником может стать любой человек (6,1 %).

Наименее вероятными преступниками воспринимались богатые (2 %) и бывшие правонарушители (2,3 %). Недостаточное количество упоминаний (0,5 %) было зафиксировано относительно половой принадлежности преступника. В качестве такового обозначались женщины. Вероятно, подобное положение вещей объясняется негласным отнесением к правонарушителям прежде всего представителей мужского пола.

На среднем уровне с точки зрения частоты упоминаний женщинами в качестве возможного преступника расположились бедные (5,2 %), дети из благополучных семей (3,8 %), представители власти (2,9 %), социальные лентяи (2,9 %) и безработные. Данные категории лиц вполне вписывались в общую картину представлений опрошенных женщин о возможных причинах преступности в современной России.

Рассмотрев результаты исследования относительно женской выборки испытуемых, обратим внимание на данные, полученные в ходе опроса мужчин. Как показывает табл. 2, мнение представителей мужского пола, касающееся наиболее вероятной личности преступника, вполне согласовалось с позицией женщин. Так, в качестве основных «кандидатов» в правонарушители мужчины видят детей из неблагополучных семей и социальных сирот (19,6 %), аддиктов (17 %), людей с психическими отклонениями (16,2 %), несовершеннолетних и молодежь (9,3 %) и бедных (5 %). Однако следует отметить, что относительно первой из перечисленных категорий нами были выявлены достоверные различия в пользу женщин ($\varphi = 3,04$ ($p \leq 0,01$)), что подтверждает большую включенность женщин в процессы воспитания, обозначенные для них традиционной гендерной идеологией в виде основной сферы компетентности. Достоверные различия были зафиксированы и по параметру «аддикты», но уже в пользу мужчин ($\varphi = 1,65$ ($p \leq 0,01$)), что неоднозначно свидетельствует о восприятии мужчинами данной социальной категории людей в качестве несомненной угрозы для поддержания правопорядка.

Наименее вероятными преступниками опрошенные мужчины считают одиноких, оставшихся без поддержки близких людей (0,9 %), и бывших правонарушителей (1,8 %), причем последние воспринимались подобным образом и женщинами. Интересно, что категория «одинокие» представлена только в высказываниях мужчин. Возможно, лишение поддержки со стороны родственни-

ков (особенно жены), при помощи которых компенсируется ряд материальных и моральных затрат на поддержание собственной жизни, наиболее ощутима прежде всего мужчинами, для которых в обычных условиях приватная сторона существования по большей части представлена лишь в виде получения благ, нежели выполнения обязанностей.

В свою очередь обозначенные женской частью опрошенных категории «женщины» и «дети из благополучных семей» в мужской выборке отсутствовали. Подобного рода факт может свидетельствовать о том, что мужчины, ориентированные на внешние социальные достижения, в своей семье часто превращаются в «редких гостей», далеких от множества трудностей и сложностей, связанных с воспитанием детей в благополучных по многим параметрам семьях. Такое положение вещей подтверждается самим характером высказываний мужчин, видевших под неблагополучными семьями прежде всего семьи с родителями-алкоголиками и наркоманами. Отсутствие заявлений о возможности становления правонарушителями женщин может быть объяснено сложившимся стереотипом преступника, в роли которого непременно выступает мужчина. В этой связи наверняка неслучайным выглядит незначительное число упоминаний мужчины в качестве преступника (0,3 %).

К средним по степени значимости категориям мужчины отнесли безработных (7,4 %), любого человека при неблагоприятных обстоятельствах (6 %), богатых (5,4 %), представителей власти (4,5 %) и социальных лентяев (3,6 %). При этом наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет факт зафиксированных нами достоверных различий по параметру «безработные» ($\varphi = 2,72$) ($p \leq 0,01$) и «богатые» ($\varphi = 2,41$) ($p \leq 0,01$) в пользу мужчин. По нашему мнению, испытывая на себе жесткие требования к собственной гендерной идентичности, основными показателями которой являются власть, деньги и успех, мужчины склонны ассоциировать подобные атрибуты мужественности с профессиональной деятельностью. Поэтому потеря работы может ощущаться как своеобразный крах, трагедия собственной несостоятельности, выход из которой возможен лишь при условии преодоления легитимных способов обладания символами мужественности. Одну из таких возможностей предоставляет криминальная стезя – теневая сторона социальной реальности, вытеснившей субъекта за свои пределы.

Идентичными могут быть и причины достоверных различий по параметру «богатые». Состоятельные люди обладают деньгами, которые способны приоткрыть для человека казавшиеся ранее недоступные области, и потому воспринимаются обывателями как индивиды, готовые на все ради получения еще большей прибыли. Учитывая сложную социально-экономическую ситуацию, испытываемые осознавали, что *«заработать деньги невозможно, их легче украсть»*, как сказал один из опрашиваемых.

В заключение отметим, что в ходе исследования нам удалось зафиксировать некоторые гендерные различия в характере приписываемых причин преступности, а также в представлениях об образе потенциального преступника. Несомненным становится тот факт, что социальная реальность по-разному открывается перед женщинами и мужчинами, что проявляется в специфике системы представлений и предпочтений, а также в моделях реагирования и социального поведения, что имеет социальные последствия для обеих гендерных групп и для конкретных индивидов.

Библиографический список

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000.
2. Балабанова Е.С. Гендерный подход в экономической социологии // Социология гендерных отношений: Учеб. пособие. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
3. Воронина О.А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций. М.: МЦГИ-МВШСЭН-МФФ, 2001.
4. Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004.
5. Горных А.А. Власть // Современный политологический словарь / Под ред. В.И. Даниленко. М.: NOTA BENE, 2000.
6. Мезенцева Е.Б. Теоретические подходы к гендерной экономике // Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций. М.: МЦГИ-МВШСЭН-МФФ, 2001.
7. Фенько А.Б. Психологический анализ отношения москвичей к деньгам // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 2.

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ТРУДЕ ЛОКОМОТИВНОЙ БРИГАДЫ КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОПАСНЫХ СИТУАЦИЙ

.....

Т.И. Леженкина¹

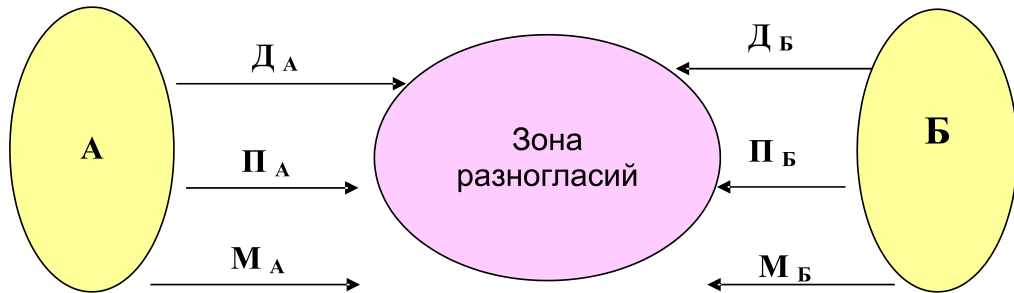
Практика работы в железнодорожной отрасли, особенно в условиях ее реформирования, показывает, что современным специалистам, осуществляющим процессы перевозок по железной дороге, необходимы знания и навыки по управлению конфликтами и их прогнозированию. Межличностные конфликты возникают из-за различия людей во взглядах, несовпадения восприятия и оценок тех или иных событий в ситуации, когда возникает угроза достижения цели хотя бы одного из участников взаимодействия.

В условиях осуществления радикальных экономических реформ, изменяющих общественное устройство, кадровый корпус должен соответствовать современным требованиям, намечать и эффективно решать как текущие, так и перспективные задачи. К тому же кризисные явления, конфликты деформируют персонал предприятий и тем самым провоцируют возникновение опасных ситуаций. Грамотное разрешение конфликтных ситуаций, возникающих в компаниях, – одно из наиболее перспективных направлений. К сожалению, существует множество проблем, связанных с недостаточной информационной базой, неразвитыми коммуникациями, отсутствием опыта работы в этой сфере. Новые условия организации и ведения процессов перевозок требуют внедрения принципиально новых способов управления конфликтными ситуациями, изменения взглядов на сущность и содержание конфликта для обеспечения эффективной деятельности предприятия в целом [2; 4; 7].

Теоретический обзор всех видов конфликтов показал, что в компании существуют практически все виды конфликтов, но их невозможно исследовать в одной работе. В ходе экспертных опросов было выявлено, что среди конф-

¹ Леженкина Татьяна Ивановна – аспирант кафедры психологии труда, инженерной психологии (психологических наук) факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Эл. почта: Ltmps@mail.ru

ликтов, классифицирующихся по субъектам конфликтного взаимодействия, в основном представлены межличностные конфликты. В связи с этим было принято решение проводить исследование именно по межличностным конфликтам между машинистом – руководителем работ в локомотивной бригаде и его помощником – подчиненным; между одним из членов локомотивной бригады и представителями других служб железнодорожного комплекса (поездными или станционными диспетчерами, ремонтниками, путейцами и др.). Экспертами в нашем исследовании выступали: машинисты-инструкторы, заместитель начальника депо, психолог и рядовые сотрудники, проработавшие в компании около 10–30 лет. Анализ проводился в соответствии со схемой, включающей все структурные элементы конфликта: мотивы, позиции, действия (см. рис. 1).

А, Б – конфликтанты
 $M_{A, B}$ – мотивы
 $P_{A, B}$ – позиции
 $D_{A, B}$ – действия

Рис. 1. Структурные элементы конфликта

Е.А. Климов ввел понятие «конфликтующие реальности», а не просто конфликты. Противоречия, несвязности, разлады в мире людей могут означать несоответствие активности человека общественным, профессиональным нормам.

Конфликтующие реальности возникают в связи с некоторыми индивидуальными свойствами человека, на уровне процессов познания, на уровне человека как субъекта деятельности [6, с. 3].

Для определения особенностей проявления межличностных конфликтов во взаимоотношениях сотрудников депо было изучено 20 реальных конфликтных ситуаций.

Сведения о конфликтных ситуациях собирались с помощью бланка системно-ситуационного анализа, разработанного А.Я. Анцуповым [1, с. 165–171], который был адаптирован применительно к задачам настоящего исследования. Процедура опроса включала заполнение бланка и последующую беседу с респондентами. Источниками информации о конфликте, и его участниками могли выступать сами оппоненты, второстепенные участники конфликта, свидетели, не принимавшие участия в конфликте, и лица, разбиравшие конфликт. При описании конкретных конфликтов был применен ретроспективный подход (описание конфликтов, которые имели место в прошлом, уже состоялись). На основе такого подхода воссоздается реальная картина конфликта. Далее приведены примеры ответов респондентов на вопросы бланка.

1. Конфликт между машинистом поезда и поездным диспетчером, не находящимися в отношениях подчиненности (борьба за право независимых решений и действий)

1. Начало конфликта – август 2006 г.
2. Конфликт анализируется со слов лица, разбиравшего конфликт.
3. Конфликт между машинистом поезда и поездным диспетчером, не находящимися в отношениях подчиненности.
4. Характер межличностных отношений участников конфликта до его начала – нейтральный.
5. Суть конфликта: первый оппонент З – машинист пассажирского длинно-составного поезда в связи со сбоями в графике движения поездов был направлен вторым оппонентом М – поездным диспетчером на дополнительные пути для пропуска потока скорых поездов. Объявлена вынужденная стоянка 20 минут. По истечении объявленного времени оппонент З запросил разрешение на продолжение движения в заданном направлении, на что получил отрицательный ответ. Таким образом, стоянка продолжалась около 2 часов. Когда наконец было получено разрешение на выезд с бокового пути и указан путь движения, наступила глубокая ночь. Было очень жарко, температура воздуха за пределами кабины достигала +30°С. Оппонент З начал подготовку локомотива к движению. Известно, что подготовка и трогание с места многотонного поезда занимает определенное время. При этом по радиосвязи от оппонента М поступила эмоционально окрашенная информация: «Ну, что вы там возитесь, отправляйтесь по неправильному пути № ...». Оппонент З начал движение, понимая, что поездной диспетчер, очевидно, не имеет достаточного опыта работы, а главное, не представляет технологического процесса трогания поезда с места. Антиципация, предчувствие подсказывало оппоненту З, что, несмотря на усталость и изнуряющую жару, нужно быть предельно осторожным и не поддаваться на призывы диспетчера немедленно освободить перегон. Движение начал на

предельно минимальной скорости, и как только занял перегон для движения по неправильному пути № ..., практически ничего не видя в темноте, обнаружил, что привычный образ объекта труда, различимый даже в темное время суток, отсутствует. Оппонент М настойчиво торопил, требуя освободить перегон (т.е. двигаться с разрешенной скоростью по указанному пути). Опытный оппонент З еще раз запросил у М информацию о возможной занятости перегона, на котором его поезд движется с предельно минимальной скоростью. Указанный перегон был ложно свободен, на нем находились три грузовых вагона с колесными парами, поверхности катания которых были сильно загрязнены, при этом сигнализация указывает на ложную свободу и на пути, и на пульте-табло диспетчера. Оппонент М из-за тяжелых рабочих суток, обернувшихся большими сбоями в графике движения поездов, забыл об этих вагонах, а на объекте его труда по указанным причинам они не отражались. Крушение поезда удалось предотвратить благодаря бдительности, опытности и развитой антиципации оппонента З. Но тем не менее даже на маленькой скорости ему удалось остановить поезд, буквально прижавшись к крайнему грузовому вагону, слегка повредив кузов локомотива спереди, на что последовала реакция, нецензурная брань в адрес оппонента М по радиосвязи. После поездки начались долгие разбирательства инцидента и обвинения со стороны М в адрес З, судебные иски со стороны пассажиров поезда, упавших с полок и опоздавших в пункт прибытия, хотя именно благодаря опыту оппонента З не произошла более страшная трагедия.

6. Инициатором конфликта был оппонент М.
7. Конфликт начался после скандала, устроенного оппонентом З по поводу якобы недостаточного участия оппонента М в общей авральной работе.
8. Краткая характеристика первого оппонента З: машинист 1-го класса, 35 лет, в данной должности работает 10 лет, стаж работы на железной дороге – 18 лет.
9. Способы борьбы второго оппонента на всех этапах конфликта: давление на оппонента, неконструктивная критика, использование служебного положения.
10. Мотивы вступления в конфликт первого оппонента: претензии по поводу знаний технологического процесса трогания и движения поезда, исполнения своих прямых обязанностей по обеспечению безопасности движения поездов.
11. Второй оппонент пытался скрыть свои истинные мотивы от оппонента З.
12. Оппонент М пытался создать впечатление у окружающих, что причиной конфликта является борьба за качественное исполнение должностных обязанностей.
13. Характерной эмоциональной реакцией второго оппонента во время конфликта были крик и эмоциональная неуравновешенность.

14. Во время конфликта качественное исполнение должностных обязанностей первым оппонентом практически не изменилось.
15. После конфликта первый оппонент стал работать с еще большей осторожностью, чем до конфликта.
16. Во время конфликта настроение первого оппонента было заметно хуже, чем обычно.
17. После конфликта настроение первого оппонента было немного хуже, чем обычно.
18. Завершившийся конфликт практически не повлиял на отношение коллектива к оппоненту.
19. Открытую поддержку первому оппоненту оказали его коллеги.
20. Краткая характеристика второго оппонента М: женщина, 30 лет, поездной диспетчер, образование высшее, в данной должности находится 1,5 года, стаж работы на железной дороге – 5 лет.
21. Способы борьбы второго оппонента на всех этапах конфликта: приказы, указания, обращение за поддержкой к коллегам по работе.
22. Первый оппонент не пытался скрыть свои истинные мотивы от окружающих.
23. Мотивами вступления в конфликт второго оппонента послужили: борьба за справедливость, реакция на неподчинение его приказам.
24. Характерной эмоциональной реакцией второго оппонента во время конфликта являлось раздражение.
25. Во время конфликта качественное исполнение должностных обязанностей первым оппонентом не изменилось.
26. После конфликта второй оппонент стал работать несколько лучше, чем до конфликта.
27. Во время конфликта настроение второго оппонента было заметно хуже, чем обычно.
28. После конфликта настроение второго оппонента по сравнению с его настроением до конфликта не изменилось.
29. Завершившийся конфликт практически не повлиял на отношение коллектива к оппоненту.
30. Открытую поддержку второму оппоненту оказали все сотрудники его подразделения.
31. Все решения по урегулированию конфликта принимались специальной комиссией по расследованию инцидента.
32. Длительность конфликта – 1 месяц.
33. Комиссия, разобравшись в конфликте, пыталась повлиять на его хорошие результаты. Беседы с обоими оппонентами, ужесточение должностных

- обязанностей. Несмотря на то что оппонент М признал свою неправоту, сохранилась неприязнь оппонентов друг к другу.
34. Вмешательство комиссии оказало положительное влияние на ход и разрешение конфликта.
  35. Противоречие между оппонентами, приведшее к конфликту, частично разрешилось.
  36. Взаимоотношения оппонентов после конфликта в отличие от взаимоотношений во время конфликта несколько улучшились.
  37. Взаимоотношения оппонентов после конфликта в отличие от взаимоотношений до конфликта немного ухудшились.
  38. Качество совместной деятельности участников железнодорожного комплекса во время конфликта по сравнению с качеством работы до конфликта несколько ухудшилось.
  39. Качество совместной деятельности членов коллектива после конфликта по сравнению с качеством работы до конфликта немного улучшилось.
  40. После конфликта улучшилась организация рабочего процесса комплекса.
  41. Должность сотрудника, заполнившего бланк, – психолог.

2. Конфликт между подчиненным – помощником машиниста и его прямым руководителем – машинистом поезда (борьба против унижения личной чести и достоинства)

1. Начало конфликта – декабрь 2005 г.
2. Конфликт анализируется со слов свидетеля, не принимавшего участия в конфликте.
3. Конфликт между руководителем и подчиненным.
4. Характер межличностных отношений участников конфликта до его начала – нейтральный.
5. Суть конфликта: к конфликту привела грубость со стороны первого оппонента А (машинист), который во время работы не сдержался и нецензурно выразился в адрес второго оппонента Н (неопытного помощника) в присутствии работников железнодорожной колонны и сокурсников, с которыми Н учился в дортехшколе. По мнению оппонента А, внешним поводом для конфликта послужили недостаток профессиональных знаний, умений, некорректность подчиненного, несоблюдение субординации, в частности попытки указать на нарушения правил взаимоотношений (оппонентом А) должностной инструкции локомотивной бригады.
6. Инициатором конфликта был оппонент А.
7. К конфликту привело грубое оскорбление подчиненного.

8. Краткая характеристика оппонента А: машинист 1-го класса, 36 лет, в данной должности находится 12 лет, стаж работы на железной дороге – 19 лет.
9. Способы борьбы первого оппонента на всех этапах конфликта: обращение к вышестоящему начальству о прикреплении более опытного помощника на 10-часовые поездки.
10. Мотивы вступления в конфликт первого оппонента: борьба за власть и желание получить существенную помощь в работе от непосредственного помощника.
11. Первый оппонент пытался скрыть свои истинные мотивы от окружающих.
12. Он пытался создать впечатление у окружающих, что причиной конфликта являются ложные обвинения.
13. Характерная эмоциональная реакция первого оппонента во время конфликта – вспыльчивость и агрессивность.
14. Во время конфликта качественное исполнение должностных обязанностей первым оппонентом несколько улучшилось.
15. После конфликта качество работы первого оппонента по сравнению с качеством работы до конфликта практически не изменилось.
16. Во время конфликта настроение первого оппонента было заметно хуже, чем обычно.
17. После конфликта настроение первого оппонента было немного хуже, чем обычно.
18. Завершившийся конфликт повлиял на отношение коллектива к первому оппоненту, оно изменилось в худшую сторону.
19. Коллеги оказывали первому оппоненту скрытую поддержку.
20. Краткая характеристика второго оппонента: помощник машиниста, 19 лет, член локомотивной бригады, не имеющий опыта работы, в данной должности находится 1,5 месяца, стаж работы на железной дороге – 1,5 месяца.
21. Способы борьбы второго оппонента на всех этапах конфликта: обращение к вышестоящему руководству, избегание оппонента А.
22. Мотивы вступления в конфликт второго оппонента: борьба за собственное достоинство.
23. Второй оппонент не пытался скрыть свои истинные мотивы от окружающих.
24. Характерная эмоциональная реакция второго оппонента во время конфликта – раздражение.
25. Во время конфликта исполнение должностных обязанностей вторым оппонентом не изменилось.
26. Качество работы второго оппонента после конфликта по сравнению с качеством работы до конфликта изменилось.

27. Во время конфликта настроение второго оппонента было заметно хуже, чем обычно.
28. После конфликта настроение второго оппонента по сравнению с его настроением перед конфликтом не изменилось.
29. Завершившийся конфликт не повлиял на отношение коллектива ко второму оппоненту.
30. Открытую поддержку второму оппоненту оказали несколько сокурсников (помощников машинистов) и машинист-инструктор.
31. Все решения по урегулированию конфликта принимались машинистом-инструктором.
32. Длительность конфликта – 1 год (продолжался на момент опроса).
33. Машинист-инструктор, разобравшись в конфликте, пытался повлиять на его хорошие результаты: побеседовал с обоими оппонентами, предпринял попытки снять напряжение, проговорить проблему.
34. Вмешательство машиниста-инструктора практически не оказало никакого влияния на ход и разрешение конфликта.
35. Противоречия между оппонентами, приведшие к конфликту, не разрешились.
36. Взаимоотношения оппонентов после конфликта по сравнению с взаимоотношениями во время конфликта не изменилось.
37. Взаимоотношения оппонентов после конфликта по сравнению с взаимоотношениями до конфликта ухудшились.
38. Качество совместной деятельности членов коллектива во время конфликта по сравнению с качеством работы до конфликта не изменилось.
39. Качество совместной деятельности членов коллектива после конфликта по сравнению с качеством работы до конфликта не изменилось.
40. После конфликта в работе коллектива практически ничего не изменилось.
41. Должность заполнившего бланк – машинист-инструктор колонны пассажирского движения.

Из 20 рассмотренных конфликтных ситуаций, взятых за 100 %, были выявлены количественные соотношения источников информации: основной участник конфликта – 10 сотрудников (50 %); второстепенный участник конфликта – 4 сотрудника (20 %); свидетель конфликта – 5 сотрудников (25 %); лицо, разбиравшее конфликт, – 1 сотрудник (5 %).

Анализ представленной информации показывает, что в описании 50% конфликтных ситуаций выступали основные или второстепенные участники конфликтов, т.е. лица, непосредственно вовлеченные в происходившие события. Вытекающая из этого пристрастность в оценках, безусловно, до определенной степени снижает объективность их изложения, однако их достоверность в этом

случае значительно выигрывает в глубине проникновения во внутренний психический мир участников конфликта, в точности передачи их субъективных переживаний, в определении их мотивов и образов конфликтных ситуаций. Половина конфликтов, а именно 10, описывались непосредственно первым или вторым оппонентами, что позволяет оценить конфликты с обеих сторон. Это очень важно, так как нередко невольные наблюдатели, по-своему комментируя поступки других людей, добавляя в них свой психологический подтекст, дискредитируют тем самым объективный по своей сути метод описания и могут искажать с точностью до наоборот действия и эмоции людей, участвующих в конфликтах. На восприятие, понимание и оценивание других влияют социальные стереотипы, установки и прочие факторы. Адекватность восприятия и суждений людей друг о друге относится к проблемам психологии, не имеющим однозначного решения. Источниками информации приблизительно трети конфликтов были свидетели и лица, разбиравшиеся в нем.

Ключевой характеристикой межличностных конфликтов, во многом определяющей характер их возникновения, протекания и разрешения, являются особенности взаимоотношений конфликтующих сторон. Они представлены отношениями подчиненности оппонентов. В структуре организации оппоненты могут находиться в отношениях непосредственной, прямой или опосредованной (например, временной) подчиненности [3, с. 151–160].

Сравнительный анализ частоты конфликтов показывает ролевые отношения между оппонентами: наиболее часто конфликты возникают в отношениях между руководителем и подчиненным – 85 % от общего числа конфликтов, из них 55 % (11) составляют конфликты между подчиненными и их непосредственными руководителями, а 30 % (6) – между подчиненными и прямыми руководителями. На конфликты между не подчиненными друг другу оппонентами приходится 15 % (3) ситуаций. Вероятность возникновения межличностного конфликта между сотрудниками железнодорожного депо, находящимися в отношениях подчиненности, более чем в 4 раза выше, чем у сотрудников, не состоящих в отношениях подчиненности.

Весомым индикатором межличностных отношений сотрудников служит динамика частоты конфликтов в течение года. Она высвечивает зависимость числа конфликтов от сезонных циклических изменений в характере совместной деятельности. Имеющиеся наблюдения позволяют говорить о неслучайном характере колебаний в частоте конфликтов в зависимости от текущих условий деятельности.

Оценка конфликтности взаимоотношений сотрудников депо в течение года позволила получить распределение частоты конфликтов по месяцам в 2006 г. (за 100 % были взяты 20 реальных конфликтных ситуаций) (рис. 2).

Данные табл. 1 и рис. 2 фиксируют заметные сезонные колебания в динамике конфликтов в течение года. Наибольшее число конфликтов происходит

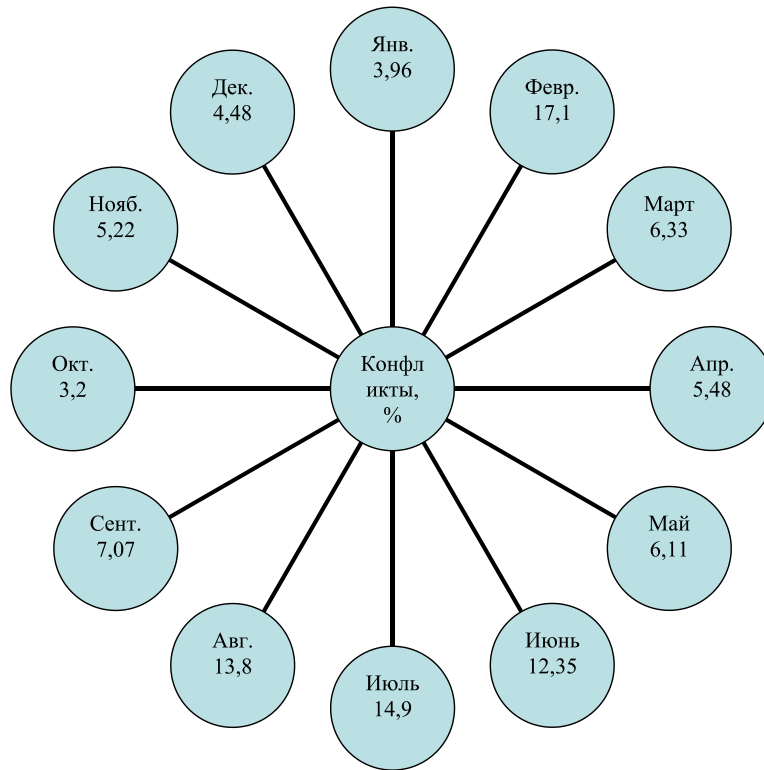

Рис. 2. Динамика среднемесячной частоты конфликтов в течение года (в %) в феврале – 17,1 %, высокая конфликтность характерна для летних месяцев (в сумме за три месяца 41,05 %), а низкая конфликтность приходится на октябрь (3,2 % конфликтов). Динамические изменения частоты конфликтов приводят к сбоям и затруднениям в решении профессиональных задач.

Опрос экспертов с целью выяснения основных причин колебаний в частоте конфликтов в течение года подтвердил предположение о связи данного феномена с решением типичных, ежегодно повторяющихся проблем в деятельности компании. Было установлено, что в определенные периоды года увеличивается число конфликтов, которые повторяются независимо от того, кто в них участвует. Так, изображенный на рис. 3 первый пик конфликтности, приходящийся на февраль, может быть связан с усталостью, накопившейся в связи с большим количеством перевозок в период зимних праздников и каникул, с усложненными погодными условиями и др. Возрастание частоты конфликтов в летние месяцы может обуславливаться увеличением нагрузки на все службы железнодорожного комплекса в связи с большим объемом перевозок, особенно пассажиров в период летних отпусков.

Также был проведен анализ того, насколько частота конфликтов, в которых участвует сотрудник депо, зависит от времени его пребывания в должности (табл. 1, рис. 3).

Таблица 1

Зависимость числа конфликтов от времени пребывания оппонентов в должности, %

Время пребывания оппонентов в должности	Количество конфликтов
1–3 месяца	12,1
3–5 месяцев	14,81
5–8 месяцев	19,22
8–10 месяцев	13,34
10–12 месяцев	15,76
1–1,5 года	9,5
1,5–2 года	5,5
2–3 года	5,27
3–4 года	2,4
4–5 лет	2,1

Анализ данных табл. 1 и рис. 3 показывает, что частота конфликтов прямо соотносится со временем нахождения сотрудника депо в должности. 75,23% конфликтов в целом приходится на сотрудников, состоящих в должности до одного года.

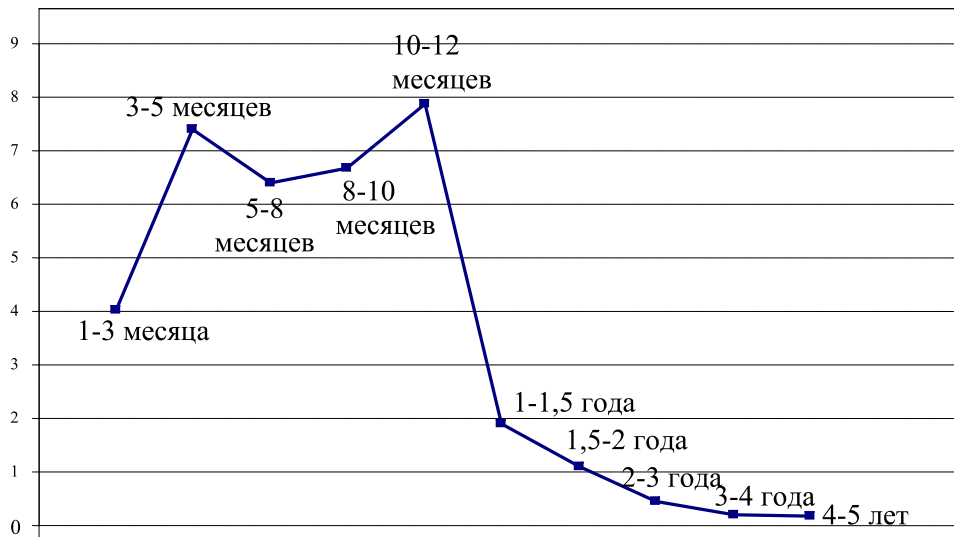

Рис. 3. Среднемесячная частота конфликтов в зависимости от времени пребывания оппонентов в должности (в % от общего числа конфликтов)

На основе этих данных можно сделать следующий вывод: высокий уровень конфликтности взаимоотношений сотрудников депо в начальный период их работы отражает трудности, вызванные адаптацией к изменяющимся условиям деятельности: стрессовые ситуации, недостаток знаний и практического опыта. Важно отметить, что с увеличением опыта работы частота конфликтов снижается.

Динамики частоты конфликтов говорит о том, что зависимость вероятности возникновения конфликтов между сотрудниками депо от времени нахождения сотрудников в должности носит нелинейный характер. Наибольшей частотой конфликтов характеризуется период с трех первых месяцев до одного года после назначения на должность – в это время происходит 28,36 % от общего числа конфликтов. В последующем интенсивность их проявления падает, и дальнейшее развитие конфликтов характеризуется устойчивым постепенным снижением среднемесячной частоты их возникновения.

Исследование влияния вмешательства вышестоящего руководства на ход и результаты конфликта

Управление конфликтом состоит в оптимизации его протекания, позитивном воздействии на совокупность образующих его факторов. В психологическом обеспечении целенаправленных воздействий такого рода нельзя обойтись без учета эффективности влияния на конфликт вмешательства третьей стороны – вышестоящих инстанций, которые заинтересованы в его конструктивном разрешении. Оценка влияния вмешательства вышестоящих инстанций на ход и результаты конфликта представлена в табл. 2.

Таблица 2

Влияние вмешательства вышестоящего руководства на ход и результаты конфликта

Оценка респондентами	Доля ответов, %
Заметно положительно	3,7
Положительно	24,1
Фактически не повлияло	37,0
Отрицательно	7,4
Заметно отрицательно	1,9
Затрудняюсь ответить	25,9

После обобщения данных конфликтных ситуаций получены сведения о том, что вмешательство начальства в конфликт с целью его конструктивного разрешения имело место в 50,6% ситуаций.

Данные табл. 2 показывают, что результативность вмешательства в конфликт вышестоящих инстанций невысока и трудно поддается оценке. Стихийно сформированные способы управления конфликтом, опирающиеся только на

личный опыт, часто не адекватны ситуации и не оказывают существенного влияния на развитие и итоги конфликтного взаимодействия в целом в 37 % ситуаций. Положительный эффект достигается в 27,8 % ситуаций.

Проведенное исследование позволяет сделать следующий вывод: для того чтобы руководители умели урегулировать существующие между сотрудниками конфликты, они нуждаются в специальной подготовке. Следовательно, действительно конструктивный подход к разрешению конфликтов требует не только личного жизненного опыта, но и специальных знаний, навыков владения психологическими основами отношения людей в коллективе, прогнозирования их развития, профилактики и разрешения проблемных ситуаций. Вмешательство начальства в конфликт с целью его конструктивного разрешения применяется примерно в половине всех конфликтных ситуаций, но его результативность низка.

Управление конфликтами представляет собой контроль над процессом и формами протекания конфликта с целью минимизации его издержек и максимизации позитивных результатов. Оно направлено на разрешение конфликта или его урегулирование. Важным исходным моментом эффективного обращения с конфликтом является его диагностирование, предполагающее сбор и анализ разносторонней информации о нем.

В целях эффективного управления конфликтными ситуациями рекомендуется использовать диагностику конфликтных ситуаций и обучать персонал приемам разрешения конфликта, устранения его источника, урегулирования конфликта – прекращения конфликтных действий и враждебности, снижения значимости источника и причин конфликта.

Библиографический список

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. 3-е изд. СПб.: Питер, 2007.
2. Волков Б.С., Волкова Н.В. Конфликтология: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проспект; Альма Мастер, 2006.
3. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2007.
4. Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии. 2-е изд., перераб. СПб.: Питер, 2001.
5. Кибанов А.Я., Ворожейкин И.Е., Захаров Д.К., Коновалова В.Г. Конфликтология: Учебник / Под ред. А.Я. Кибанова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2006.
6. Климов Е.А. Конфликтующие реальности в работе с людьми (психологический аспект): Учеб. пособие. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2001.
7. Конфликтология: Хрестоматия. М.: Московский психолого-социальный ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2002.

УПРАВЛЕНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТЬЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ (ОПЫТ СИБИРСКОЙ АКАДЕМИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ)

.....

Т.В. Черняк¹

На современном этапе развития российского общества, формирования рыночных отношений и становления государственной службы для нормального функционирования и развития любой организации необходимы профессионалы, умеющие быстро адаптироваться к окружающей среде, добывать необходимые знания и применять их на практике, поэтому проблеме компетентности уделяется все больше внимания. Компетентность формируется в процессе обучения и деятельности, требует постоянного контроля и корректировки, ею можно и нужно управлять. Все это при наличии у работника определенных качеств, знаний и умений обеспечит ему успех в профессиональной деятельности.

Проблема управления компетентностью становится особенно актуальной, так как потребность в компетентных специалистах осознается не только в коммерческих организациях и на предприятиях, но и на государственной службе, где профессионализм крайне необходим. Именно в государственном аппарате принятие решений требует серьезного, ответственного подхода, опыта, а социальные последствия ошибок в политических решениях касаются не отдельно взятого человека, а всего общества. Согласно Концепции реформирования государственной службы Российской Федерации среди направлений кадровой политики важное место отводится развитию профессиональных качеств государственных служащих. Одним из принципов функционирования

---

¹ Черняк Татьяна Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом Сибирской академии государственной службы, Новосибирск. Эл. почта: chernjak@sapa.nsk.su

Данная статья написана по материалам Международного проекта по гранту NASPAA – NISPAsee (Объединение образовательных учреждений и организаций в сфере государственного и муниципального управления США и Европы).

государственной службы является компетентность и профессионализм государственных служащих, что неоднократно подчеркивалось в свете проводимых государственных реформ.

В Сибирской академии государственной службы (СибАГС) с 2002 по 2005 г. реализовывался международный проект по подготовке группы специалистов по труду (трудовых арбитров) Управления труда и занятости населения администрации Новосибирской области. Трудовой арбитр, или трудовой посредник, – новая профессия в сфере государственного управления. Данная сфера деятельности (разрешение социальных конфликтов в сфере трудовых отношений) требовала новых компетенций от государственных служащих. В то же время для этой профессии не были разработаны квалификационные требования и не существовало модели специалиста. В ходе реализации проекта автором проведен эксперимент по управлению компетентностью специалистов по труду администрации Новосибирской области на стадии вторичной профессионализации. Для решения исследовательских и прикладных задач была разработана методика, позволяющая оценить наличие и степень выраженности профессионально важных качеств (ПВК) специалистов, определен уровень профессиональной пригодности и компетентности группы специалистов, а также уровень знаний, умений и навыков, необходимый государственным служащим для осуществления деятельности; разработана модель специалиста; разработана методика отбора трудовых арбитров и проведена оценка степени эффективности обучения служащих как фактора повышения их компетентности; предложена система мероприятий по управлению компетентностью с учетом международного опыта и опыта проекта в СибАГС.

Понятие компетентности: многообразие подходов и теоретических обоснований

В научной литературе существуют такие понятия, как компетентность, профессиональная компетентность, управленческая компетентность. Проблемой компетентности занимаются многие ученые. К фундаментальным можно отнести труды Дж. Равена, Д. О. Клемпа, Р. Ликерта, Дж. Мак Клелланда, Л. Спенсера. В отечественной литературе проблеме компетентности и профессионализма посвящены исследования В. Г. Игнатовой, Е. А. Климова, А. И. Турчинова. Вопросы профессиональной пригодности освещены в работах В. А. Бодрова, Л. М. Митиной и др.

В монографии А. К. Марковой компетентность представляется как «индивидуальная характеристика степени соответствия требованиям профессии, как психическое состояние, позволяющее действовать самостоятельно и ответственно, как обладание человеком способностью и умением выполнять определенные трудовые функции» [6, с. 106].

А. К. Марковой выделяются виды профессиональной компетентности:

1) *специальная компетентность* – владение собственно профессиональной деятельностью на достаточно высоком уровне, способность проектировать свое дальнейшее профессиональное развитие;

2) *социальная компетентность* – владение совместной профессиональной деятельностью, сотрудничеством, а также принятыми в данной профессии приемами профессионального общения; социальная ответственность за результаты своего профессионального труда;

3) *личностная компетентность* – владение приемами личностного самовыражения и саморазвития, средствами противостояния профессиональным деформациям личности;

4) *индивидуальная компетентность* – владение приемами самореализации и развитие индивидуальности в рамках профессии, готовность к профессиональному росту, способность к индивидуальному самосохранению, неподверженность профессиональному старению, умение рационально организовать свой труд без перегрузок.

А. Г. Никифоров трактует компетентность как свойство, необходимое каждому руководителю на том или ином участке деятельности и связанное с отраслевой спецификой управленческой деятельности [6, с. 108].

Я. Л. Коломинский рассматривает уровень компетентности как систему знаний в противовес понятию профессионального уровня, понимаемого как степень сформированности умений и навыков [6, с. 108]. Е. П. Тонконогая определяет профессиональную компетентность руководителя как интегральное профессиональное качество руководителя: сплав его опыта, знаний, умений и навыков, показатель готовности к руководящей работе, способность принимать обоснованные управленческие решения [6, с. 110]. Иной подход к пониманию компетентности наблюдается в зарубежной научной литературе (М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури) [6, с. 108]. Компетентность представляется интегральным понятием, в ней можно выделить несколько уровней:

1) компетентность – способность к интеграции знаний и навыков и их использованию в условиях быстро меняющихся требований внешней среды;

2) концептуальная компетентность;

3) компетентность в эмоциональной сфере, в области восприятия;

4) компетентность в отдельных сферах деятельности.

Дж. Равен под компетентностью понимает качества личности, наличие которых значительно повышает эффективность осуществления трудовой деятельности [7, с. 39]. Компетентность рассматривается как совокупность знаний, умений и способностей, которые проявляются в личностно значимой для субъекта деятельности. При этом предполагается, что наиболее важную роль при определении компетентности играет именно ценность деятельности для субъекта. Для ее оценки необходимо вначале измерить ценность деятельности

и лишь затем – совокупность внутренних средств, с помощью которых субъект достигает определенного результата в данной деятельности.

Среди видов компетентности Дж. Равен выделяет инициативу, лидерство, эффективную работу в сотрудничестве с другими, ответственность, настойчивость, честность и т.д. Отсутствие определенных видов компетентности (в зависимости от специфики деятельности) значительно снижает качество выполнения трудовых функций.

Дж. Равен утверждает, что для разных сфер деятельности необходим разный набор компетентностей. Он говорит о том, что современное общество нуждается в людях, которые готовы к работе, когда нужно, к новым задачам и нововведениям проявляют высокую адаптивность, лично заинтересованы в повышении эффективности труда, в перспективном планировании и в наличии планов на будущее, а также готовы брать на себя личную ответственность и исправлять ошибки.

Компетентное поведение зависит от:

- мотивации и способности включаться в деятельность высокого уровня;
- готовности включаться в субъективно значимые действия;
- готовности и способности содействовать климату поддержки и поощрения тех, кто пытается вводить новшества или ищет способы более эффективной работы;
- адекватного представления о ряде понятий, связанных с управлением организациями.

В отечественной литературе как синоним понятия «компетентность» часто используют понятие «профессионализм». Согласно отечественным исследованиям [3; с. 217], выделяют две составляющие профессионализма персонала:

- 1) мотивационный (ценностный) компонент;
- 2) операционный компонент, который представляет собой профессиональную деятельность на уровне стандарта, обеспечивающую высокую продуктивность труда, и включает:
  - поиск инноваций, творчество, обогащение профессии;
  - личностное развитие средствами профессиональной деятельности;
  - профессиональную открытость для других, готовность передать опыт;
  - стремление к тому, чтобы общество знало об успехах профессии.

В России наиболее изучена проблема формирования и определения профессиональной пригодности. Среди отечественных исследований необходимо отметить фундаментальную работу В.А. Бодрова [1, с. 511]. Профессиональную пригодность он определяет совокупностью индивидуальных особенностей человека, влияющих на успешность освоения какой-либо трудовой деятельности и эффективность ее выполнения. Она отражает реальный уровень развития

профессионально значимых качеств личности для конкретной деятельности, которые формируются и проявляются на этапах жизненного и профессионального пути. К их числу относятся качества, характеризующие особенности трудового воспитания и обучения, профессиональной подготовленности, психологической структуры личности, состояния здоровья и физиологических функций, физиологического развития, которые определяются требованиями профессии.

Свойство профессиональной пригодности следует рассматривать в двух аспектах: 1) как совокупность исходных индивидуальных качеств человека, предопределяющих успешность формирования пригодности к конкретной деятельности; 2) как систему наличных, сформированных и взаимосвязанных качеств субъекта деятельности, обеспечивающих эффективное выполнение конкретных профессиональных задач. При анализе профессиональной пригодности конкретного человека к данной деятельности профессионально важные качества образуют нечто целое – систему.

Е. А. Климов определил пять основных слагаемых этой системы:

- 1) *гражданские качества* – идейный и моральный облик человека, его нравственные качества;
- 2) *отношение к труду, профессии* – мотивы, интересы, склонности, черты характера;
- 3) *дееспособность* – особенности психического здоровья, физическое развитие, общие способности;
- 4) *специальные способности* и другие профессионально важные качества для отдельной деятельности и нескольких ее видов;
- 5) *профессиональная подготовленность* – знания, навыки, умения, опыт [1, с. 24].

Формирование профессиональной пригодности – процесс индивидуальный, и если почти всегда можно создать условия для достижения заданного уровня трудовых успехов лицам с разной профессиональной подготовкой и мотивацией, то в отношении индивидуально-психологических профессионально важных качеств этого сказать нельзя – они остаются относительно устойчивыми в масштабе того времени, в течение которого происходит выбор профессии, подготовка специалиста и начальный этап профессионального пути.

К тому же не каждый человек может в приемлемые сроки овладеть некоторыми профессиями даже при обеспечении высокого уровня его профессиональной подготовки и мотивации. Профессиональная пригодность к таким профессиям может сформироваться лишь при наличии определенной степени развития и устойчивости профессионально важных психических качеств личности.

В нашем исследовании под компетентностью мы будем понимать характеристику степени соответствия требованиям профессии как обладание человеком способностью и умением выполнять определенные трудовые функции.

Приведенные позиции исследователей в отношении понимания компетентности касаются главным образом компетентности уже состоявшегося профессионала. Речь идет о компетентности как элементе общей культуры современного человека, включающей освоение фундаментальных научных знаний, приобретение многосторонних знаний, умений, формирование культурных образцов поведения и взаимодействия в обществе. Современное общество испытывает острую потребность в чиновниках, которые могут и хотят понять цели проводимой ими политики, не следуют слепо правилам, а вникают в нужды своих клиентов и стараются помочь им. Речь идет о чиновниках, которые были бы цельными личностями и умели бы изменять свое поведение в зависимости от ситуации.

Управление компетентностью государственных служащих Российской Федерации

Являясь комплексным организационно-правовым и социальным институтом, государственная служба обеспечивает выполнение государственными служащими конституционных функций государства, деятельность органов государственной власти, иных государственных органов, отдельных государственных учреждений, а также полномочий лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации.

Среди основных принципов государственной службы Российской Федерации сегодня выделяют *компетентность и профессионализм государственных служащих*. Причем под профессионализмом понимается «приобретенное качество способностей личности, соответствующее профессиональным требованиям или превосходящее их» [11, с. 231], а под компетентностью – «степень выраженности, проявленности присущего человеку профессионального опыта в рамках компетенции конкретной должности» [11, с. 229]. Таким образом, компетентность – высшая степень развития профессионализма.

Требования профессионализма и компетентности государственных служащих вытекают из существа государственной службы как особого вида профессиональной деятельности. Обеспечение достаточного уровня профессионализма государственных служащих предполагает наличие надлежащих организационно-технических условий для их профессионально-квалификационного развития. Профессиональное развитие не может проходить стихийно. Оно требует сознательного организованного воздействия и регулирования кадровых и трудовых отношений в сфере государственного управления. Профессионализм невозможен без наличия соответствующего профессионального образования. В п. 8 ст. 9 Федерального закона «Об основах государственной службы РФ»

закреплено право государственного служащего на переподготовку (переквалификацию) и повышение квалификации за счет средств соответствующего бюджета [8, с. 1]. Согласно ст. 15 указанного закона государственному служащему гарантируются «переподготовка (переквалификация) и повышение квалификации с сохранением денежного содержания на период обучения» [8, с. 1]. В п. 6 ст. 9 закреплено право государственного служащего на продвижение по службе «с учетом результатов и стажа его работы, уровня квалификации» [8, с. 1]. В ст. 22 рассматриваемого закона предусматривается использование конкурса на замещение вакантной государственной должности государственной службы. Эти же гарантии были подтверждены и Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ст. 53 п.1).

Главная цель реформы государственной службы – кардинальное повышение эффективности государственной службы в интересах развития гражданского общества и укрепления государства. Актуальная задача реформы – восстановление доверия граждан к органам государственной власти за счет качественного удовлетворения их социальных и общественных потребностей на основе предоставления государственных услуг. Реформа призвана повысить мотивацию госслужащих, конкурентоспособность государственной службы как рода профессиональной деятельности. В разделе IV «Кадровая политика в системе государственной службы» среди приоритетных направлений кадровой политики названо «совершенствование программ подготовки и профессионального развития государственных служащих» [9].

Реализация приоритетных направлений, говорится в Концепции, предполагает решение следующих основных задач:

- управление развитием профессиональных качеств государственных служащих;
- обновление и ротация кадрового состава государственных служащих;
- формирование кадрового резерва и обеспечение его эффективного использования;
- объективная оценка результатов деятельности государственных служащих при проведении аттестации или квалификационного экзамена.

Создание системы управления компетентностью на уровне государства требует системного подхода. Этому призваны способствовать последние законы и законопроекты относительно государственной службы, в каждом из которых уделено достаточное внимание технологиям формирования системы управления компетентностью. Кроме законов, касающихся системы государственной службы, в целях повышения эффективности работы государственного аппарата была принята Программа реформирования государственной службы на 2003–2005 гг. (утверждена Указом Президента РФ от 19 ноября 2002 г. № 1336),

где подчеркивается необходимость «реализации программ подготовки кадров для государственной службы и профессионального развития государственных служащих» [10, с. 1]. Кроме того, в данной программе уделяется внимание таким кадровым технологиям, как подбор квалифицированных кадров, периодическая оценка деятельности государственных служащих и продвижение по службе, управление карьерой. Главный планируемый результат реализации программы реформирования государственной службы – повышение профессионального уровня государственных служащих.

Программа «Внедрение альтернативных способов разрешения социальных конфликтов в практику деятельности государственных служащих», в ходе реализации которой автором была проведена оценка управления компетентностью государственных служащих, осуществлялась в СИБАГС при поддержке и участии Управления труда и занятости населения администрации Новосибирской области. Его специалистам на данном этапе развития социально-трудовых отношений понадобились новые современные знания, умения и навыки по разрешению трудовых конфликтов и споров путем переговоров и посредничества.

Трудовой арбитр является новой должностью для госслужбы, однако на основе анализа основных направлений деятельности, анализа должности были сделаны выводы о профессиональных качествах, необходимых для работы. В Постановлении Министерства труда и социального развития РФ указано, что трудовой арбитр должен уметь высказывать свою точку зрения, слушать других, управлять дискуссией, регулировать уровень агрессии. В рамках реализации программы международного проекта было осуществлено психодиагностическое обследование профессионально важных качеств (ПВК) специалистов; определен уровень знаний, умений и навыков в плане разрешения трудовых конфликтов и проведено обучение специалистов современным технологиям переговоров и посредничества. В процессе реализации программы проекта были скорректированы ПВК специалистов в ходе индивидуального и группового консультирования. Поскольку компетентность формируется на базе профессиональной пригодности в процессе профессиональной деятельности, для оценки уровня компетентности трудовых арбитров был проведен анализ данных об образовании, стаже работы, уровне знаний и профессиональных умений. Исследование данных группы трудовых посредников осуществлялось на основе анкетирования специалистов при помощи анкеты анализа рабочего места.

Анализ уровня компетентности группы трудовых арбитров по этапам профессионализации

Для проведения этого исследования за основу была взята следующая последовательность этапов становления профессионала: *профессиональное са-*

моопределение и профессиональная самоидентификация, опредмечивание и распределмечивание профессионального опыта [11, с. 132].

Этап профессионального самоопределения нами оценен не был, однако на основе опроса государственных служащих был сделан вывод о том, что они осознанно определили сферу своей будущей профессиональной деятельности. Поскольку им предстояло заниматься новой деятельностью, ожидалось, что круг и широта их обязанностей претерпят серьезные изменения. Но этого не произошло, так как все специалисты были представителями отделов по труду.

Этап профессиональной самоидентификации предполагает оценку человеком своих способностей в будущей деятельности. Все участвующие в исследовании специалисты имели достаточно большой опыт работы в сфере трудовых отношений, но, реально оценивая уровень своих знаний, все государственные служащие перед началом исследования осознавали потребность в овладении новыми знаниями и умениями. При этом условии они высоко оценивали свои шансы на профессионализм в будущей новой для них сфере деятельности. Результаты оценки профессионального опыта, стажа работы, знаний, умений и навыков представлены в табл. 1 и 2.

Исследование показало, что возраст более 90 % государственных служащих превышает 35 лет. С одной стороны, это показатель жизненного опыта, с другой – отсутствия новых знаний и подходов в области профессиональной деятельности.

Таблица 1

Общий стаж специалистов по труду

Общий стаж работы	% от общего числа респондентов
До 1 года	9,1
От 1 до 10 лет	31,8
От 10 до 20 лет	36,4
Более 20 лет	22,7

Таблица 2

Опыт работы в последней должности

Последний опыт	Количество человек	% от общего числа респондентов
До 1 года	10	45,5
От 1 до 5 лет	3	13,6
От 5 до 10 лет	8	36,4
Более 10 лет	1	4,5

Поскольку 36,4 % специалистов занимали последнюю должность от 5 до 10 лет, это позволило предположить, что они имеют достаточно прочные прак-

тические навыки и умения. Среди необходимых знаний сами специалисты по труду выделили следующие:

- коммуникабельность;
- профессионализм;
- компетентность;
- организованность;
- самостоятельность.

Это говорит о довольно четких представлениях госслужащих о своих функциях, специфике деятельности и требованиях, предъявляемых к специалистам.

Нами также были выделены следующие компетенции специалистов:

- стиль поведения в конфликтной ситуации;
- низкий уровень агрессии;
- сформированная система ценностей;
- мотивация к деятельности;
- профессиональная компетентность

– профессионально значимые личностные качества: доминантность, уверенность в себе, эмоциональная уравновешенность, стрессоустойчивость, креативность, стремление к достижению цели, ответственность, надежность в выполнении задания, общительность (коммуникабельность), порядочность, самоконтроль (дисциплинированность), аналитические способности, рационализм, широкий кругозор.

Для оценки ПВК была разработана тестовая методика по их выявлению. Для выявления соответствия профессиональной пригодности слушателей – специалистов по труду требованиям должности трудового арбитра была составлена идеальная модель трудового арбитра. Результаты сопоставления двух групп трудовых арбитров с идеальными показателями отражены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты сопоставления идеальных и реальных характеристик трудовых арбитров

Необходимые характеристики и качества	Желательная степень выраженности	Реальные показатели (группа из области)	Реальные показатели (группа из города)
Тип личности	Социальный	Социальный	Конвенциальный
Мотивационная структура	Общение, творческая активность	Творческая активность	Общение, творческая активность
Направленность личности	Рабочая	Общежитейская	Общежитейская
Коэффициент коммуникативных способностей	1	0,64	0,67

Коэффициент организационных способностей	1	0,69	0,63
Тип поведения в конфликте	Сотрудничество	Компромисс	Компромисс
Уровень эмоциональной агрессии, %	2	16,67	18,86
Уровень самоагрессии, %	2	32,52	34,94
Уровень вербальной агрессии, %	0	18,7	17,6
Уровень физической агрессии, %	0	13,82	10
Уровень предметной агрессии, %	5	18,29	18,6

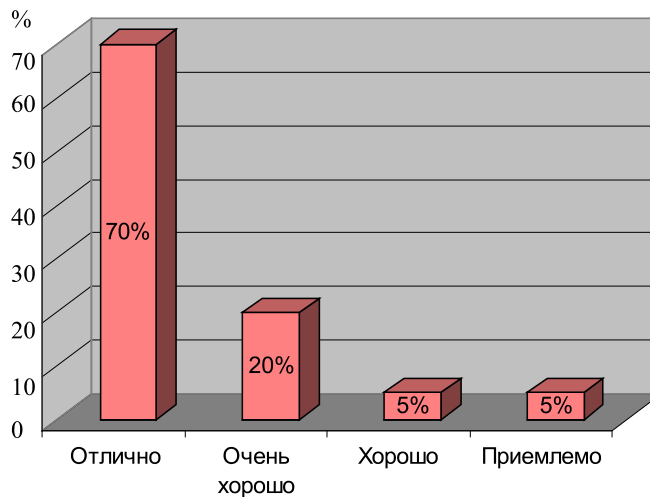
Разница между показателями реальной и идеальной моделями объяснялась тем, что в профессиональном цикле специалистов были пропущены необходимые этапы профессиональной ориентации и профессионального самоопределения, а также необходимостью новых компетенций для новой деятельности.

Диагностика профессиональной пригодности специалистов по труду показала, что реальный набор профессиональных качеств трудовых арбитров значительно отличается от необходимых показателей. Выявлены главные проблемы специалистов по труду: высокий уровень самоагрессии, недостаточные показатели коммуникативных и организационных способностей, направленность личности и особенности ведения переговорного процесса.

Осуществление профессиональной деятельности на высоком уровне потребовало психокоррекции в ходе индивидуальных консультаций по итогам обследования. Для оценки *уровня знаний* трудовых арбитров проводилось тестирование на входе и выходе.

Контроль знаний на входе. Из 50 специалистов менее 9 % смогли правильно ответить на 1–4 вопроса, 50 % арбитров ответили на 5–8 вопросов, а оставшая часть (41 %) – на 9–12 вопросов из 20. Полученные результаты свидетельствуют о недостаточном уровне знаний специалистов в области разрешения и управления трудовыми конфликтами и управления персоналом, а также о необходимости их корректировки.

В связи с этим для подготовки трудовых арбитров к выполнению ими профессиональной деятельности на должном уровне была разработана программа обучения специалистов по труду, которая включала разнообразные формы обучения: теоретический курс по проблемам социальных конфликтов и управлению персоналом, тренинги, деловые и ролевые игры, кейс-стади. В ходе обучения предпочтение отдавалось активным методам.

Оценка полезности обучения

Контроль знаний на выходе после проведения обучения показал существенные изменения показателей уровня знаний. Из 50 специалистов уже 45 % ответили на 13–18 вопросов правильно, что говорит о существенном повышении уровня знаний у 38 % трудовых арбитров.

Полученные данные свидетельствуют о том, что реализованная программа обучения принесла большие успехи, подготовленные специалисты смогли значительно улучшить показатели профессиональной деятельности.

По итогам обучения и практического освоения новых технологий ведения переговоров и медиации (посредничества) слушатели провели оценку программы обучения с точки зрения ее организации и полезности (см. рисунок).

Подтверждением успешного обучения специалистов стало официальное письмо Управления труда и занятости, содержащее количественные данные относительно повышения уровня профессиональной деятельности специалистов по труду: число заключенных ими коллективных соглашений на предприятиях и в организациях города Новосибирска и области в течение последующего полугодия увеличилось на 20 %.

Таким образом, процесс управления компетентностью в ходе реализации программы проекта включал следующие процедуры:

- оценку ПВК;
- оценку знаний, умений и навыков;
- психокоррекцию;
- обучение;
- практику адаптации новых знаний, умений и навыков;
- осознание нового уровня профессионализма и компетентности.

Участие в проекте заставило специалистов по труду задуматься об их месте и социальной роли в структуре общества. Значительное внимание они стали уделять новым для них знаниям в области управления персоналом и конфликтологии. Благодаря участию в программе они получили комплексное представление о своей новой деятельности.

Сегодня именно государственная служба нуждается в применении новых подходов к подготовке персонала. Реализованный проект по управлению компетентностью государственных служащих доказал, что профессионально пригодные, мотивированные, компетентные специалисты, владеющие современными знаниями, навыками и приемами деятельности, успешно используя их на практике, добиваются эффективных результатов.

В ходе реализации проекта в СибАГС экспериментальным путем создана модель переподготовки государственных служащих. По итогам проведения программы проекта разработана система управления компетентностью государственных служащих в Институте переподготовки специалистов СибАГС, которая успешно реализуется с 2004 г.

Библиографический список

1. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: Учеб. пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2001.
2. Вербицкий А.А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.
3. Государственная служба Российской Федерации: основы управления персоналом. М.: Известия, 2003.
4. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5.
5. Климов Е.А. Психология профессионализма. М.; Воронеж: Ин-т практ. психологии, 2001.
6. Митина Л. М. Психология развития конкурентоспособной личности. М.: Московский психолого-социальный ин-т, 2002.
7. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация: Пер. с англ. М.: Когито-центр, 2002.
8. Об основах организации государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон № 119-ФЗ от 31.07.1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1995. № 31.
9. О концепции реформирования государственной службы Российской Федерации: Указ Президента РФ № 1496 от 15.08.2001 // [http:// www.businesspravo.ru](http://www.businesspravo.ru)
10. Реформирование государственной службы Российской Федерации: Указ Президента РФ о федеральной программе (2003–2005 годы) № 1336 от 15.11.2002 г. // Российская газета. 2002. № 223.
11. Турчинов А.И. Профессионализация и кадровая политика: проблемы развития теории и практики. М.: Московский психолого-социальный институт, Флинта, 1998.

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

.....

А.П. Романова , В.О. Мармилова¹

Проблема безопасности чрезвычайно актуальна для самых разных областей человеческой жизнедеятельности. Уровень современного военного потенциала и его разрушающие способности, проблемы в экологической сфере, информатизация общества, этнические конфликты и т.д. создают все новые объективные угрозы существованию человечества. Многочисленность и разнообразие этих угроз способствовали формированию серии понятий, связанных с безопасностью человечества и отражающих те или иные ее стороны.

При всей кажущейся простоте и ясности разветвленность и непроработанность категориального аппарата создает ряд трудностей. Попробуем разобраться в данной системе категорий и определить в ней место понятия «культурная безопасность».

Понятие «*безопасность*» – самая широко трактуемая категория этой области исследования. Осмысление этого феномена начинается в эпоху Нового времени. Именно тогда, в период Великих географических открытий, расширения территорий, революционных событий безопасность как таковая провозглашается особой витальной ценностью. По выражению И. Бентама, это «основа жизни, существования, довольства, счастья, от нее все зависит» [3, с. 345]. Безопасность как естественное право человека фиксируется в ряде документов уже с XVII в.: в английском Биле о правах 1776 г., американской Декларации независимости 1776 г., во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

Вплоть до XX в. безопасность традиционно понималась как военно-политическая, физически-телесная, ресурсная, распределительная и т.д. В ряде

¹ Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета. Эл. почта: agomanova_mail@mail.ru

Мармилова Валерия Олеговна, ассистент кафедры культурологии Астраханского государственного университета. Эл. почта: valeriawind2003@mail.ru

отечественных исследований (в работах Л.Н. Анисимова, З.С. Белоусовой, Н.С. Бирюкова, И.П. Блищенко, С.Н. Власова, В.Д. Кудрявцева, Ю.И. Голошубова и др.) безопасность до сих пор отождествляется с государственной, национальной защищенностью от военных угроз.

Современность, привнося в жизнь человека все новые риски, расширяет понятие безопасности. В него включается и защита от ядерной угрозы, терроризма, глобальных природных катастроф и т.д. Однако все чаще в контекст понятия безопасности начинает входить психологическая, культурная, информационная, этническая, религиозная и иные сферы.

Многозначность и сложность этого понятия выражается в наличии множества смыслов и трактовок, причем зачастую базирующихся на совершенно разных основаниях. Наиболее часто встречается толкование безопасности как защищенности, как это определено в Законе РФ о безопасности. «Безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [8]. Согласно «Энциклопедии социологии» безопасность – это защищенность жизненно важных интересов социальной структуры или ее отдельного элемента от внешних и внутренних угроз, где последние выступают или реализуются как противоположные, противоречивые интересы каждого элемента социального сообщества» [21].

Трактуется безопасность и как *состояние свободного выбора*. Так, Е.М. Бабосов определяет безопасность как состояние общественных отношений, при котором личность, социальная группа, общность, народ, страна (государство) может самостоятельно, суверенно, без вмешательства и давления извне свободно выбирать и осуществлять свою стратегию международного поведения, духовного, социально-экономического и политического развития [21].

С точки зрения синергетики безопасность понимается как *устойчивость общественной системы*. По мнению В.Ф. Молчановского, «понятие “безопасность” отражает, с одной стороны, состояние (жизненность) системы, с другой – совокупность специальных мер по сохранению целостности, относительной самостоятельности и устойчивости социальной системы» [14, с. 170].

Некоторыми исследователями (В.В. Серебрянников, Ю.И. Дерюгин, Н.Н. Ефимов, В.И. Ковалев) безопасность понимается и как некая *человеческая активность* на различных уровнях от личности до государства и человечества в целом, направленная на выявление (изучение), предупреждение, ослабление, устранение (ликвидацию) и отражение опасностей и угроз, способных погубить их, лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести неприемлемый (недопустимый объективно и субъективно) ущерб, закрыть путь для прогрессивного развития [19, с. 17, 63].

Как видим, спектр определений безопасности достаточно широк – от состояния (устойчивость, защищенность, свободный выбор) до деятельности (человеческая активность). Вследствие чрезвычайно широкого уровня объектов данное понятие приобретает онтологический, бытийный смысл, ибо безопасность нации, государства и человека во многом зависит и от состояния биосферы, и от ближайшего космического пространства, и от социума и личности.

Все остальные понятия более узки, поскольку имеют конкретный объект, требующий обеспечения безопасности: нацию, государство, человека и т.д. Однако надо все время помнить о включенности личности и социума в более широкую космическую систему, а следовательно, и о взаимозависимости различных уровней безопасности.

Следующим по объему является понятие *«глобальная, или международная безопасность»*, которая трактуется как состояние отношений между государствами мира, при котором им не угрожает опасность военной, экономической, любой другой экспансии, посягательство извне на существование, суверенное и независимое прогрессивное развитие [2]. На этом понятийном уровне отбрасывается целый комплекс угроз, связанных с космическими или экологическими катастрофами, и акцент делается на взаимоотношениях между государствами и защите от военных угроз.

В научной традиции наиболее общеупотребимо понятие *«национальная безопасность»*. Данный термин впервые был употреблен Т. Рузвельтом в 1904 г. в послании американскому конгрессу в связи с идеей присоединения к территории США Панамского канала. А в конце XX в. он стал для американцев практически ритуальным, поскольку проблема национальной безопасности является темой ежегодного послания американского президента гражданам страны.

В ряде случаев понятие национальной безопасности отождествляется с понятием государственной безопасности. Так, И.Л. Прохоренко рассматривает национальную безопасность как «сочетание внутренних и внешних обстоятельств, воздействующих на жизнь государства, при котором отсутствуют угрозы критического характера и в то же время сохраняется полноценная способность государства адекватно реагировать на эти угрозы, коль скоро они возникнут» [17, с. 70].

Однако не совсем верно, на наш взгляд, смешивать эти понятия, поскольку понятие нации и государства не тождественны. Под государственной безопасностью понимается скорее сохранение самой государственной машины и определенных институтов. По утверждению А. фон Бреннера, «практически единственным объектом государственной безопасности является само государство, интересы которого, как известно, не всегда совпадают с интересами общества и личности. Субъектами и объектами концепции национальной бе-

зопасности являются: личность с ее правами и свободой, общество с его материальными и духовными ценностями, государство с его конституционным строем, суверенитетом и территориальной целостностью. Принципиальным отличием концепции национальной безопасности от государственной безопасности является изменение системы приоритетов на противоположную: главное – личность, затем – общество, затем – государство» [4].

Национальная безопасность не только отождествляется с государственной, но и в некоторых трактовках практически сливается с понятием безопасности как таковой (например, в трактовке А. В. Возженикова), за исключением космических и экологических рисков. «Национальная безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства во всех сферах их жизнедеятельности от внешних и внутренних опасностей и угроз, характеризующееся таким положением страны, при котором обеспечивается ее целостность и внутренняя стабильность, суверенное и прогрессивное развитие, возможность выступать самостоятельным и полноправным субъектом международных отношений» [7, с. 47–48].

Национальная безопасность трактуется и как состояние системы общественных отношений между субъектами социальной системы, индивидами, государственными институтами в рамках национального образования и в сфере международной деятельности, обеспечивающее возможность полной реализации и защищенность жизненно важных интересов от внешних и внутренних угроз через достижение сбалансированности интересов каждого из участников отношений путем оптимального соотношения с интересами других субъектов [21]. В данном случае это отражает синергетический вариант определения общей безопасности.

В рамках разработки и развития концепции национальной безопасности все большее значение начинает приобретать исследование различных ее аспектов или форм: экономической, политической, экологической, информационной, духовной, культурной, религиозной, этнической. Та или иная форма безопасности возникает с появлением новых рисков и угроз или с интенсификацией уже существующих.

Нас в контексте нашего исследования интересует прежде всего социокультурный аспект этого феномена. Надо заметить, что в последние годы в отечественной и зарубежной литературе возник ряд понятий социокультурного характера, являющихся видовыми спецификациями понятия безопасности. Это понятия «духовная безопасность», «культурная безопасность», «социальная безопасность», «религиозная безопасность», «конфессиональная безопасность», «этническая безопасность». Такой широкий диапазон и недостаточная обозначенность, а зачастую отсутствие дефиниций многих понятий создают некую концептуальную неразбериху.

К числу широких понятий относится и *социальная безопасность*. Р.Г. Яновский определяет ее как «надежную защищенность жизненно важных целей, идеалов, ценностей, интересов социальных субъектов макро- и микро-уровней, сохранение и развитие человеческого потенциала, поддержание эффективного стимулирования деятельности людей, систем их социализации и жизнеобеспечения, непреходящих ценностей, нравственности» [22, с. 39–40]. Как видим, здесь делается акцент на защищенности социума в целом и отдельного человека в частности. Причем, с нашей точки зрения, в рамках уровня социальной безопасности социум должен пониматься как глобальная система, не имеющая национальных и государственных границ, а наиболее важным аспектом – система безопасности самой структуры, которая может гарантировать всестороннее развитие личности.

Более узким по отношению к предыдущим представляется понятие «*духовная безопасность*», которое является и наиболее разработанным, на наш взгляд. В отечественной науке этой проблемой в целом или отдельными ее аспектами занимались архиепископ Иоанн (Попов), А.А. Возмитель, О.А. Хвыля, Н.П. Золотова, А.С. Записоцкий и др. Чаще всего духовная безопасность раскрывается в контексте национальной безопасности как ее специфическая составная часть. «Она представляет собой состояние личности, общества и власти, обеспечивающее их нормальное взаимоувязанное существование и функционирование, а также созидательное культурно-цивилизационное развитие сложившегося или складывающегося национального образа жизни. С другой стороны, это процесс сохранения и позитивного видоизменения идей, идеалов, ценностей, норм и традиций, господствующих в обществе, разделяемых массами людей и властными структурами в целях социального воспроизводства, гарантирующего устойчивость вектора, преемственность и динамику общественного развития» [1, с. 33].

Далее, давая ее развернутую дефиницию, авторы определяют ее многопланово как: «1) способность личности, общества и государства сохранять и развивать позитивную созидательную духовность; 2) состояние защищенности жизненно важных духовных интересов и потребностей личности, общества и государства; 3) систему отношений между субъектами общественной жизни, которая обеспечивает благоприятные условия для духовной жизни и духовного развития» [1, с. 33]. Не давая дефиницию самого понятия духовности, они как само собой разумеющийся факт рассматривают в качестве основы духовной безопасности прежде всего традиционную религию (для России это православие), что соответственно сужает характер самой концепции, поскольку понятие духовности шире понятия религиозности и включает в себя ряд светских атрибуций.

А.С. Записоцкий под духовной безопасностью понимает систему условий, позволяющих обществу и культуре сохранять жизненно важные конструкты в

рамках исторически сложившейся нормы [9]. Такое определение носит скорее регулятивный характер.

Н.П. Золотова в свою очередь определяет духовную безопасность более широко – как защищенность духовно-идеологических, нравственных, культурных основ жизнедеятельности общества, тем самым включая культуру в основу ее дефиниции [10].

Более широким, чем духовная безопасность, представляется понятие «культурной безопасности». Прежде всего, в силу того, что духовность – одна из составляющих (наряду с материальной) человеческой культуры. Сложность дефиниции понятия «культурная безопасность» в его базовом компоненте – понятии «культура». Культура – достаточно сложное, размытое и многократно дефинируемое понятие ввиду ее двойственной природы. Одна часть культуры – это некий постоянный концепт, который требует бережного сохранения и воспроизводства, по крайней мере, на достаточно большой временной отрезок. Именно он представляет собой культурный код, культурное ядро любой национальной и этнической культуры, который гарантирует ее идентичность. Вторая сторона культуры – динамично развивающаяся, постоянно изменяющаяся, что дает возможность культуре выполнять адаптационные функции.

Необходимо учитывать, что культура – многоуровневое образование, где наряду с самым широким понятием «мировая культура» или «общечеловеческая культура», тем концептом, что объединяет человечество в единое целое, существует огромное количество национальных, этнических, локальных культур, делающих человеческое существование разнообразным и ярким.

В XX в. с его глобализационными процессами, постоянными локальными этническими и религиозными конфликтами возникли и продолжают углубляться угрозы и риски как для отдельных культур, так и для культуры человечества в целом. Это стало предметом особого беспокойства для многих социальных институтов – ООН, ЮНЕСКО и др.

«В настоящее время, – пишет в своем послании Генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Мацура, – культуре угрожают весьма различные факторы: в одном случае чрезмерная защита национальной самобытности создает угрозу для культуры групп, относящихся к меньшинствам; в другом случае во имя религии испытанию подвергается культурная практика. Наконец, почти повсеместно под воздействием бурно развивающегося процесса глобализации исчезают языки, забываются традиции, отмечается маргинализация и даже уничтожение уязвимых культур. Опасность значительного сокращения спектра культурного разнообразия является весьма серьезной. Радуга над нашей планетой может стать одноцветной, что создаст угрозу для наследия будущих поколений и выживания человеческого рода» [15].

К этому списку угроз можно добавить естественное и искусственное разрушение материальных памятников культуры. Определенную угрозу общечеловеческой культуре несли ее упрощение, массовизация с распространением на большие территории в связи с глобализацией. Таким образом, мы видим, что на современном этапе культурная безопасность является важнейшим фактором сохранения безопасности как таковой.

Что же понимается под термином «культурная безопасность»?

Впервые о культурной, вернее, о профессиональной безопасности упоминается в работах Ж. Бодена в XVIII в. Понятие безопасности рассматривается Ж. Боденом [5, с. 14–15] чрезвычайно широко и охватывает кроме обычного спектра составляющих, также экономическую и культурную безопасность. В данном случае под экономической безопасностью понимается обеспечение некоего «единого экономического пространства» посредством установления единой денежной системы и системы мер и весов, а под культурной безопасностью – защита государства от чужеродных религиозных влияний. Проповедуя веротерпимость, Боден вменяет в обязанность суверену бороться против радикальных учений, посягающих на основы государственности. Всякая свобода веры и убеждений возможна лишь до тех пор, пока это не затрагивает публичного интереса и является вопросом частного выбора.

Большой вклад в разработку этой проблемы на уровне –безопасности культурного пространства внес другой француз П. Бурдьё [6]. Безопасность культурного пространства – это забота государства о культуре своей страны. Бурдьё тиражирует альтюссеровский термин «культуркапитал» [12], придавая ему новое дыхание. Под культуркапиталом понимается накопление достижений в сфере культуры, культурное богатство страны, которое складывается веками и создает культурный имидж государства на мировой арене.

На Западе концепция культурной безопасности как *cultural safety* начала формироваться в 1980-х гг. Возникает она в процессе формирования системы медсестринского и акушерского обслуживания народа маори в Новой Зеландии, когда стало понятно, что в процессе этой деятельности необходимо учитывать традиции и обычаи народов, которым оказывается соответствующая медицинская помощь. Культурная безопасность (*cultural safety*) понималась как деятельность, которая вызывает доверие к культурной идентичности и процветанию индивидуумов, поддерживает и уважает их, дает им возможность выражать свою идентичность и идет навстречу их культурным нуждам [23, р.11]. Культура в этой концепции понималась прежде всего как характеристики индивида и включала в себя возраст, пол, сексуальную ориентацию, род деятельности и социоэкономический статус, этническую принадлежность и опыт, религиозность или иные духовные верования, ограниченность в правах [23, р.13], но, впрочем, не сводилась к этому перечню.

Позднее, в 1990-х гг., концепция культурной безопасности вышла за рамки околomedicalной проблемы и стала обозначаться более широким и более политизированным термином «cultural security» [24]. Оба термина «safety» и «security» используются как синонимы и обозначают безопасность. Но термин «security» имеет более формализованный юридический, государственный смысл – это защита, обеспечение, гарантия, охрана. Термин «safety» означает не только защищенность, но и трактовку как невредимость, целостность. Поэтому концепция cultural safety продолжала существовать в рамках проблемы медицинского обслуживания, а концепция cultural security, часто оставаясь привязанной к культурам небольших этносов и их проблемам в глобализирующемся мире, тем не менее вышла за узкие рамки и начала приобретать все более широкий смысл.

Именно в этот период Генеральная Ассамблея ООН провозгласила в резолюции 57/249 «Культура и развитие» от 20 декабря 2002 г. ценность культурного разнообразия. В связи с этим в послании Генерального директора ЮНЕСКО об объявлении 21 мая Всемирным днем культурного разнообразия во имя диалога и развития еще раз был поставлен вопрос о необходимости сохранения культурного богатства всех существующих ныне народов и обозначены угрозы культуре.

Формулирование концепции культурной безопасности явилось следствием осмысления проблемы социальной безопасности. На основе концепции социальной безопасности О. Вивера [25] С. Форрест предложил трактовку понятия культурной безопасности (cultural security). Культурная безопасность, по С. Форресту, может быть понята как «способность общества сохранить специфические характеристики несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы: более подробно, это включает постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставляющих для изменения все, что должно быть исключено» [26].

Для отечественной литературы это проблема достаточно новая и малоработанная. В отечественной научной литературе и публицистике тоже существует несколько аналогичных терминов, которые имеют специфические характеристики (культурная безопасность, безопасность культуры и культура безопасности), которые, однако, могут носить различную смысловую нагрузку. Эти термины в последнее время стали появляться как в публицистике, так и в научной литературе [11], но ни четкой дефиниции, ни разграничения понятий пока не встречается.

Попытаемся разграничить эти понятия. Прежде всего, сразу абстрагируемся от термина «культура безопасности», который был сформулирован МАГАТЭ в 1986 г. в процессе анализа причин аварии на Чернобыльской АЭС и употребляется в связи с работой на атомных электростанциях. Культура бе-

зопасности в данном случае это культура труда работников станции, влияющая на уровень риска возникновения нестандартной ситуации [13].

Термин «безопасность культуры» более узок и относится к определенной локальной культуре и ее сохранению. Объектом обеспечения безопасности здесь является культура того или иного народа в ее сложившейся форме – традиции, обычаи, система религиозных верований, этническая идентичность, духовность и т.д. Безопасность культуры есть более узкая сфера культурной безопасности, это некое обязательное условие, при котором возможна культурная безопасность.

Термин «культурная безопасность», с нашей точки зрения, более широк и рассматривает культуру и как объект, и как фактор обеспечения безопасности. Культурная безопасность есть не только поддержание безопасности в культурной сфере (предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников), но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания. Поскольку безопасность – это состояние системного равновесия, то поддержание нарабатанных культурных паттернов во многом стабилизирует ее. Вполне справедливо замечание А. Я. Флиера о том, что по-настоящему безопасное общество то, где люди в абсолютном большинстве своем сознательно и целенаправленно соблюдают общепринятые нормы жизнедеятельности, т.е. являются культурными [20].

По замечанию С. Форрестера, культурная безопасность – это скорее не защита культуры от угроз, а создание условий, при которых культура будет безопасно расти и развиваться по своим законам [26]. С нашей точки зрения, система культурной безопасности – это и защита культуры от угроз, и одновременно создание условий для ее гармоничного развития.

Итак, анализ показал, что культурная безопасность – понятие достаточно сложное. Его естественными составляющими являются этническая и конфессиональная безопасность. Под этнической безопасностью понимается безопасность общественной жизни, в которой нет места национальной розни, национальной нетерпимости, в которой право не выделяет в качестве приоритета национальную принадлежность и применяется ко всем национальностям объективно и справедливо, согласно букве закона [18].

Некоторые исследователи определяют ее как этнокультурную, подразумевая под ней состояние устойчивого функционирования и целостного воспроизводства культур основных социальных объектов/субъектов и их этнокультурной идентичности при свободном взаимодействии между ними культурными навыками и повышении степени адаптивности к развивающимся социальным изменениям. Она обеспечивается при помощи прогноза этнокультурных процессов в рамках страны или региона, в том числе с учетом разделяемой системы ценностей, и поддерживается за счет реализации этнокультурных прав

индивидов, этнических групп, а также институционализированной государственной внутренней и внешней политики [15].

Библиографический список

1. Архиепископ Иоанн (Попов), Возмитель А.А., Хвыля О.А. Духовная безопасность России. М.: Логос, 2005.
2. Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура: Словарь-справочник / Автор-сост. проф. В. Ф. Пилипенко. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ПЕРСЭ-Пресс, 2005.
3. Бенгам И. Избр. соч. СПб., 1869. Т.1.
4. Бреннер фон. А. Введение в политологию национальной безопасности // <http://www.von-brenner.com/Vvedvnacbez.htm>
5. Боден Ж. Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000.
6. Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
7. Возжеников А. В. Парадигма национальной безопасности реформирующейся России: Монография. 2-е изд. испр. и доп. М.: Изд-во ЭДАС ПАК, 2000.
8. 8. Закон РФ «О безопасности» // http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_40315.html
9. Записоцкий А.С. Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности // Педагогика. 2002. № 2.
10. Золотова Н.П. Театр как социокультурный фактор духовной безопасности страны // Аналитический вестник. 1998. № 4 (71).
11. Каплиев А.С. Безопасность Российской культуры в контексте геополитической культуры России (история и современность) //: <http://www.rustrana.ru/article.php?nid=19297>
12. Кравченко А.И. Культурология: Словарь. М.: Академический проект, 2000.
13. Машин В.А. Концепция культуры безопасности // Электрические станции. 1997. №4.
14. Молчановский В.Ф. Безопасность – атрибут социальной системы // Социально-политические аспекты обеспечения государственной безопасности в современных условиях. М.: Граница, 1994.
15. Перепелкин А.С. Межэтнические конфликты: причины возникновения и механизмы предупреждения // Конфликт – диалог – сотрудничество. 1999. № 1 (сентябрь-ноябрь).
16. Послание Генерального директора ЮНЕСКО в связи с проведением 21 мая Всемирного дня культурного разнообразия во имя диалога и развития // <http://www.kyrnatcom.unesco.kz/press%20hq/press5.htm>
17. Прохоренко И.А. Национальная безопасность и баланс сил // Баланс сил в мировой политике: теория и практика: Сб. ст. / Под ред. Э. А. Позднякова. М.: ИМЭМО, 1993.
18. Сарапулов В.Н., Якупова В.Н. Безопасность человека и гуманитарные средства ее обеспечения (на примере космодрома Байконур) // <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/Sarapulov&Iakupova>

19. Серебрянников В.В., Дерюгин Ю.И., Ефимов Н.Н., Ковалев В.И. Безопасность России и армия. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1995.
20. Флиер А.Я. Культура как фактор национальной безопасности // Общественные науки и современность. 1998. № 3.
21. Энциклопедия социологии. М.: Книжный Дом, 2003.
22. Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М.: Academia, 1999.
23. Cultural safety; Valuing difference, avoiding assumptions and communication. N.-Y., N.-Y. University Press. 1998 .
24. Cotter J. M. Cultural Security Dilemmas and Ethnic Conflict in Georgia // Conflict study Journal at the University of new Brunswick Vol. XIX No. 1, Spring 1999.
25. Weaver O. Social Security: The Concept in Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. L.: Routledge, 1993.
26. Forrest S. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security / Proceedings of the Third Northern Research Forum / Plenary on Security, Yellowknife, NWT September 18, 2004 // http://www.nrf.is/index.php?option=com_content&view=article&id=21&Itemid=21

РЕФЕРАТЫ

.....

Зайцев Д.Г. Теория и методология оценки влияния негосударственных акторов на политический процесс (на примере аналитических центров).

В основу статьи легли результаты исследования «Сравнительный анализ российских и зарубежных аналитических центров: case-study», проведенного кафедрой публичной политики ГУ-ВШЭ. Оценивается степень активности аналитических центров и их влияние на политические процессы, зависящее от развитости различных типов ресурсов, прежде всего символического капитала.

Библиогр. 8 назв.

Гудков И.В. Типологии электорального поведения в контексте выборов органов представительной власти РФ.

Автор стремится описать систему и иерархию факторов, определяющих поведение российских избирателей на выборах региональных представительных органов власти. Используя результаты проведенных эмпирических исследований, он выделяет пять типов электорального поведения, в той или иной степени определяющих результаты голосования.

Библиогр. 4 назв.

Паликова А.М. Особенности партийной системы современной России.

Центральной проблемой, привлекающей внимание исследователя, является институализация политических партий в современной России в свете происходящей трансформации партийной системы. Согласно сделанным выводам, существует ряд факторов, препятствующих ее полноценной работе. Однако сохраняются шансы для постепенного расширения партийного плюрализма, роста конкуренции на партийном поле.

Библиогр. 10 назв.

Власенко М.В. Особенности создания и условия функционирования эндаумент-фондов в России и США.

В представленной статье идет речь об относительно новом для российской образовательной системы явлении – эндаумент-фондах, в чьи задачи входит создание источников ее дополнительного финансирования. При помощи сравнительного анализа рассматриваются проблемы функционирования подобных фондов в России и США, история их развития и современное состояние.

Библиогр. 5 назв.

Семёнова В.Э. Каузальная атрибуция преступности: гендерное измерение феномена.

Изучение такого социально-психологического феномена, как каузальная атрибуция преступности, позволяет выявить субъективную интерпретацию людьми причин существования данного явления. Исследование базируется на результатах опроса, проведенного в одном из российских регионов. По мнению автора, оно фиксирует гендерные различия в характере приписываемых причин преступности, а также в представлениях об образе потенциального преступника.

Библиогр. 7 назв.

Леженкина Т.И. Межличностные конфликты в труде локомотивной бригады как фактор возникновения опасных ситуаций.

Статья посвящена практическим вопросам урегулирования межличностных конфликтов между работниками железнодорожной отрасли, оказывающих существенное влияние на функционирование предприятий. Проведенные автором интервью с использованием бланка системно-ситуационного анализа позволили дать ретроспективное описание типичных конфликтных ситуаций. В целях эффективного управления конфликтными ситуациями им рекомендуется использование диагностики конфликтных ситуаций и обучение персонала приемам разрешения конфликта.

Библиогр. 7 назв.

Черняк Т.В. Управление компетентностью государственных служащих (опыт Сибирской академии государственной службы).

Основываясь на опыте проведенного в 2002 – 2005 гг. проекта по подготовке трудовых арбитров, автор стремится раскрыть возможности компетентного подхода при подготовке и повышении квалификации государственных служащих. Методика оценки и развития профессионально важных качеств, по ее мнению, способна стать фундаментом для подготовки профессиональ-

но пригодных и мотивированных специалистов. Проблема компетентности рассматривается в контексте проводимой в Российской Федерации реформы государственной службы.

Библиогр. 11 назв.

Романова А.П., Мармилова В.О. Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности.

В исследовании проводится анализ термина «культурная безопасность» с точки зрения различных трактовок, определяется место этого понятия в системе научных категорий. Его естественными составляющими являются этнический и конфессиональные аспекты. Некоторые исследователи говорят об этнокультурной безопасности, подразумевая под ней состояние устойчивого функционирования и целостного воспроизводства культур.

Библиогр. 26 назв.

SUMMARY

.....

Zaizev D.G. The Theory and Methodology of an estimation of non-governmental actors' influence on the political process (by the example of the analytical centers).

The article is based on the results of «The Comparative analysis of the Russian and foreign analytical centers: case-study» research, carried out by the SU-HSE Faculty for Public Policy. The activity of the analytical centers and their influence on the political processes are estimated in this research. The author analyzes various types of resources, which influence such actors, first of all the symbolical capital.

Gudkov I.V. The Typologies of electoral behaviour in a context of elections of legislature the Russian Federation.

The author tries to describe the system and the hierarchy of the factors determining the Russian voters' behaviour at the elections of regional Parliaments. The author carried out some empirical researches and determined five types of the electoral behaviour determining the results of voting.

Palikova A.M. The features of party system of contemporary Russia.

The central problem of the article is institutionalization of political parties in modern Russia in the conditions of the party system's transformation. According to the author's conclusions, there is a number of factors interfering its normal work. However, chances for gradual growth of party pluralism, competition on a party space are kept.

Vlasenko M.V. Features of creation and conditions of functioning of endowments in Russia and in the USA

The author tell us about the phenomenon of rather new for the Russian educational system like endowments, whose tasks include the development of the sources of education additional financing. The author analyzes the problems of functioning of

such funds in Russia and the USA, the history of their development and a modern condition.

Semenova V.E. The causal ascription of criminality: gender dimension of the phenomenon.

The author analyzes socio-psychological phenomenon of causal ascription of criminality. This approach allows revealing the subjective interpretation of its existence reasons. The research is based on the results of the interrogation which has been carried out in one of the Russian regions. It fixes gender distinctions in the character of the criminality attributed reasons and in imagination about a potential criminal.

Lezhenkina T.I. Interpersonal conflicts in the functioning of an railway engine brigade as a factor of dangerous situation occurrence.

The article is devoted to practical questions of settlement of interpersonal conflicts between railway workers. These conflicts render essential influences on functioning of the enterprises. The author interviewed the conflict participants using the form of the system-situational analysis. This research allows to give the retrospective description of typical disputed situations. To provide efficient control of the disputed situations the author recommends to apply the diagnostics of the disputed situations and teaching the personnel the ways to resolve the conflicts .

Chernyak T.V. Management of civil servants' competence (Siberian academy of public service as the example)

The article is based on the results of the training project directed at labour arbitrators held in 2002 - 2005. The author tries to show the opportunities of the competence approach for training and improving professional skill of civil servants. The methods of estimating and developing professionally important qualities seem to become the principle of training professionally important and motivated experts. The problem of competence is considered in a context of the reform of public service, currently taking place in Russian Federation.

Romanova A.P., Marmilova V.O. Cultural safety as the major factor of national safety.

The author analyzes «cultural safety» phrase and defines the place of this concept in the system of scientific categories. According to the author's opinion, ethnic and confessional aspects are natural components of this concept. Some researchers speak about ethnocultural safety as a condition of stable functioning and complete reproduction of cultures.